

— АНТОН —

ЧИЖ

• ва-банк для синей бороды, •
или мертвый шар

Родион Ванзаров

АНТОН ЧИЖ

**Ва-банк для Синей
бороды, или Мертвый шар**

«ЭКСМО»

2011

Чиж А.

Ва-банк для Синей бороды, или Мертвый шар / А. Чиж —
«Эксмо», 2011 — (Родион Ванзаров)

ISBN 978-5-699-80183-1

Когда в тазу с вареньем зажиточный петербургский помещик-ловелас Нил Бородин находит чей-то мертвый глаз, он и не подозревает, что это только начало бедствий, которые постигнут его семью. Расследовать это странное происшествие призван молодой и харизматичный чиновник полиции Родион Ванзаров. Распутывая клубок семейных тайн Бородина, Ванзаров сталкивается не то с древним роком, не то с хитро продуманным планом маньяка, решившего одну за другой убить всех женщин, милых сердцу помещика... Книга также издавалась под названием "Мертвый шар"

ISBN 978-5-699-80183-1

© Чиж А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Кикс	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

АНТОН ЧИЖ

Ва-банк для Синей бороды, или Мертвый шар

Биллиардная игра во многом отличается от всех других игр. Это единственное развлечение, которое соединяет приятное с полезным. Приятность биллиардной игры заключается в том, что играющий, отвлекаясь от повседневных мелочей и дразг, отдается на некоторое время благородному чувству спортивного соревнования с другими в ловкости, быстроте, сообразительности и приятному для себя зрелищу, как пущенный им шар, точно живой, исполняет его поручения: бьет других шаров и заставляет их, в свою очередь, исполнять волю своего господина и, сделав свое дело, становится на том именно месте, которое заранее мысленно определено игроком.

*Школа и правила биллиардной игры по методу знаменитого русского игрока
С. Ф. Докучаева, Покровского и других. СПб., 1899*

Кикс

Биллиард хотя с виду и представляет собой простой и для всех понятный инструмент, но в глубине своей простоты он хранит многие и многие тайны.

Там же

1

Как известно, кочевые племена шли на Европу за новыми впечатлениями и свежими женщинами. Трудно осуждать их за это. Ну какие развлечения в степях? Тоска кругом. А дамского населения и вовсе недосдача. Где, скажите, найти в степи хоть какую-нибудь барышню, не то что хорошенькую? Кобылы, телки да ковыль. Так что кочевников гнала с насиженных пастбищ не историческая миссия, а чисто практическая задача: развлечься пожарами завоеванных городов, заодно присмотрев себе двух-трех жен или рабынь.

Но вот какая зараза обращает городских жителей в толпы странников и гонит на дачу, науке неизвестно. За городом впечатлений никаких: комары и грязь те же, что в городе. Что же касается ловли жен на лоне природы, то уже имеющиеся супруги заранее относятся к невинным развлечениям без должной широты взглядов. Однобоко и неласково относятся, прямо скажем. Одним словом, делать ныне цивилизованному человеку на даче нечего. Сиди дома перед окошком, вдыхай испарения, глотай пыль и будь счастлив.

И все же доводы рассудка еще никого не остановили. Каждый май отцы семейства возглавляют набеги хищных домочадцев на близлежащие мирные поселения, в которых расселяются со всем скарбом, детьми, собаками и запасами, чтобы потом три месяца кряду каждое утро отправляться на службу в переполненных поездах, а вечером спешить обратно в такой же сутолоке.

Но за любое счастье наступает расплата. Приходит август, а с ним и конец дачного сезона. И тогда обыватель петербургский обращается в рыбешку, которую затянула сеть. Рыбешки мечутся в ужасе, копошатся, тычутся из стороны в сторону, но спасения нет – невод тянет за собой.

Обыватель петербургский обязан разыскать и снять новую квартиру, с тем чтобы семейство пережило бури и морозы под надежной крышей до новой весны. Обязан он к тому же разыскать достойную школу для подрастающих чад, снабдив оных всем необходимым для грызения знаний. А еще супруге непременно требуется закупить новую мебель, столики, или проклятые шифоньерки, или хоть пару стульев, потому что в августе принято покупать новую мебель, когда же еще. Кроме того, никто не снимал с петербургского обывателя непременной обязанности разбиться в лепешку, но достать билеты на все модные премьеры и бенефисы предстоящего сезона, иначе обожаемой женушке нечего будет обсуждать с гостями, и всю любовь к искусству она выльет на его и без того виноватую голову. И вот носится несчастный и думает только об одном: как бы опередить таких же рабов долга.

Но что испытания эти по сравнению с восторгом, который дарит август! У загнанного обывателя словно крылья вырастают за спиной, стоит лишь распространиться по столице волшебному аромату, который невозможно ни с чем спутать. Аромат разливается, и вскоре кажется, что нет такого уголка, улицы или подъезда, который не благоухал бы свежесваренным вареньем.

О, варенье! Как много значишь ты для петербургского жителя! В тебе одном находит он упоение и отраду долгими зимними вечерами, когда мороз ломится в окна. В тебе одном

обретает успокоение души, когда другого не остается. В тебе одном восторг и сладострастие. Жить без варенья в Петербурге решительно невозможно.

Любите ли вы варенье, как любят его в столице? Нет, вы не любите его так. Нет у вас к нему такой страсти. В каком-нибудь южном городе вроде Москвы, Парижа или Багдада сладости хоть лопатой гребь, всякие лукумы с щербетами. Но в Северной столице нет ничего, кроме варенья. Один местный поэт даже написал строку: «Люблю тебя, Петра варенье...», но наборщик в типографии перепутал, и вышло «творенье». Так и оставили.

Кто жил в этом мрачном граде, поймет, какое счастье открыть в холода или ненастье баночку, вдохнуть аромат клубники, малины, вишни, земляники, черники, да боже ты мой, еще чего угодно, подцепить ложечкой сахарную ягодку, блестящую драгоценным рубином, отправить в рот и ощутить такую негу и вдохновение, такую силу и огонь, какие не описать словами. Никаким джемам, конфитюрам и желе не возбудить подобных волнений. А потому едят варенья в Петербурге столько, что, как обычно, много не бывает. Нет, от варенья невозможно оторваться... А пенка!

Так, что-то увлеклись. Чтобы не изойти сладкой истомой, повторим вслед за стариной Апулеем: «Начнем-ка наши побасенки, внимай, читатель, будешь доволен».

Денек первой половины августа 1895 года, как и полагается, пропитался запахом разнообразного варенья. Кстати, давно уже пора переименовать этот месяц из непатриотичного римско-цезарьского в общеприятный: Варень. Чтоб за Июлем сразу Варень. А там, глядишь, и Сентябрь.

Ну так вот. Жара уступала первым осенним холодкам, прохладный ветерок разносил горячие облака сладкого. Все живое, побросав дела, взялось за медные тазы и мешки с сахаром. Береи и бличницы¹, не разгибая спин, тащили в город полные корзины, а жадное чрево поглощало горы спелостей, требуя новых приношений. Печально, но в столице варенье готовит кто ни попадя. Иногда лучше не знать, как оно готовилось.

Вот, к примеру, Апраксин рынок, обычно торгующий всякой дрянью, превратился в одну большую кухню. Давно не мытые бабы перебирают горы ягод и, не окропив водой, бросают в котлы, никогда не знавшие мыла и скребка. Мешают варенье первой попавшейся под руку палкой, а что там в таз упадет, муха или сопля, уж как придется. И вот такое народное произведение ушлые торговцы скупают прямо с огня, разливают в фунтовые банки, в которых честно помещается три четверти фунта, клеят фасонные этикетки и нагло требуют по тридцати копеек за штуку. Какова дерзость!

Но что поделает петербургскому обывателю: покупает эту сладкую отраву и еще благодарит. А что прикажете: остаться на зиму без варенья? Ведь настоящего – киевского, самого лучшего и душистого – днем с огнем не найти, по какой-то таинственной причине не привезут его в столицу, нет, и все. Кондитерское варенье, что изготавливают фабрики, конечно, прекрасно, но цена кусается. А закупать паточно-глицериновую бурду ягодных маклаков – откровенно страшно. Вот и довольствуется петербуржец-квартирант тем, что предлагают рынки. И ведь любопытно: травятся не так уж часто. Да и то зимой. Может, желудок петербуржца научился переваривать камни? Или привыкли ко всему.

Впрочем, обитателям одноэтажного, но каменного особняка, потонувшего в зелени Крестовского острова, не грозило коротать зиму без варенья. Счастливым расположенный еще в черте города, но уже как бы вне ее, домик имел задний двор, на котором возвышался кирпичный очаг, покрытый прочерневшей жестяной крышкой, на которой удобно поместился медный тазик с массивной ручкой, мило побулькивающий и изливающий в окружающую среду аромат кипящего крыжовника. Тут же имелся главный секрет вкусного варенья: кухарка, умеющая его варить. Девица в простом платье и замызганном переднике неторопливо водила деревянной

¹ Собираательницы ягод и грибов.

ложкой по маршруту, в котором «s» превращалось в «z». Выждав одной ей известную минуту, приподняла тазик и хорошенько встряхнула. Вареву сдобно чмокнуло и расплылось. Готово, можно снимать.

Неся посудину двумя руками (все-таки тяжесть), кухарка направилась к ближайшему четырехногому сооружению, в котором меткий глаз распознал бы старый бильярдный стол. Но глаз должен быть метким. Вся поверхность дырявого сукна покрывала батарея пол-литровых баночек, ожидающих варенья, на тарелках грудились стопки бычьих пузырей, промытых и готовых к закупорке, а также восковые бумажки и кружки, пропитанные ромом, которые следует класть под пузырь. Тут же помещались тазики, в которых по киевской методе ягоды пересыпаны мелким сахаром (на 800 граммов – 400, при варке добавить ложку воды). Рядом с горкой крыжовника собственного урожая возвышались холмики из малины и брусники, сторованные по грабительской цене у приходящей береи.

Разгоряченный тазик подтолкнул ожидающих собратьев боком и разместился на столе, добавляя когда-то зеленой материи бурый след ожога. Как полагается, обтерев руки об себя, кухарка примерилась к тазу с малиной и уже взялась было за рукоятку, но тут взгляд ее, замутненный кухонной повинностью такого раннего часа, что другие и щеки от подушки не оторвали, вдруг узрел нечто неподобающее на розоватом поле сахара. Поморгав, понадеялась она, что внезапное помутнение схлынет, но немыслимая находка и не думала исчезать. Напротив, смотрела нагло и прямо.

Не имея характера столько крепкого, чтобы встречать неожиданность мужественно, кухарка отбросила тазик подальше, расколов три банки; горячее содержимое тазика опрокинулось в траву. И, поскальзываясь в варенье, попятилась, уже не владея собой.

Тишину спящего особняка прорезал такой надрывный и жалостливый вопль, что занавески в открытых окнах подернулись рябью. Наконец, потеряв равновесие, кухарка шмякнулась оземь и зашлась пронзительной трелью, которой позавидовал бы паровозный гудок.

Печальное одиночество ее не было долгим. Из дома довольно шустро выскочила пожилая дама. Чтобы заткнуть источник противного звука, прикрикнула, что на кухарку не произвело впечатления никакого. Кричать она не перестала, только устала палец в пространство. Не найдя ничего заслуживающего столь гадкого визга, дама в ночном облачении строго высказалась о манерах прислуги.

Воздух в легких у кухарки как раз удачно закончился, и она смогла наконец издать нечто хрюкающее, в котором различалось слово «таз». Дама шагнула к столу решительно, но, рассмотрев, что водрузилось на горке сахара, бросилась в дом, как видно, за подмогой. Кухарка же осталась в луже варенья.

2

Искушение слишком навязчиво. В открытое окно проникали непрошенные ароматы малины, ощущался тонкий, но значительный мотив черники, напористо и нагло напирал вихрь смородины, а за ним не отставали крыжовенный, брусничный, кажется, сливовый и даже айвовый. Нет, правда, айва. И откуда взялась? Наверное, привозная, сладкая, медовая...

Оскар Игнатьевич осторожно приоткрыл глаза, и, как истинный знаток, оценил тончайшими нервными окончаниями своего крепкого носа переливы и нюансы свежего варенья. Что делать, даже начальственное присутствие бессильно перед дурманом.

Надо признаться: полковник Вендорф был глубоко равнодушен к варенью. Не только к нему, в жизни его были не менее глубокие и пикантные интересы, но каждый август он хищно облизывался, предвкушая, как в ноябре, а если не вытерпит, и в октябре появится на столе заветная баночка, а за ней другая и третья. И так, пока кладовые не опустеют до следующего лета. Даже сейчас, когда полагалось выслушивать посетителя, ничего не мог с собой поделывать.

Все внимание было отдано отгадыванию очередного запаха. Кабинет его размещался вдалеке от рынков, где царила вакханалия варки, в начальственном центре столицы – на Большой Морской улице, на которой морем не пахло вовсе, а вот вареньями – сколько угодно.

– Да-да, это очень странно, – кое-как выдавил из себя Оскар Игнатьевич, сообразив, что посетитель уже в третий раз излагает свою историю. Полковник отлично видел, что гостю удастся сохранить выдержку, но испуган он по-настоящему. При кажущейся смехотворности и даже ничтожности возникшего обстоятельства стоило признать, что в нем было что-то странное и неприятное.

Ах да, тут следует кое-что пояснить. Оскар Игнатьевич служил полицеймейстером 1-го отделения Петербурга, то есть был одним из четырех полицейских чинов, выше которых в столице находился только сам градоначальник и директор Департамента полиции. Под властью полковника Вендорфа пребывала четверть всех полицейских участков, охранявших порядок и спокойствие в Петербурге. Остальные три четверти руководились тремя полицеймейстерами других отделений. Попасть к Оскару Игнатьевичу на прием вот так, запросто, не мог даже средний чиновник, не говоря уже о каком-нибудь пострадавшем. А вот разместившийся в глубоком кресле господин подтянутой наружности, облаченный в роскошный летний костюм, смог. За какие такие заслуги? Значит, были. И все тут.

– Так что же посоветуете? – спросил гость с отчетливой ноткой тревоги в голосе.

Оскару Игнатьевичу очень хотелось посоветовать не забивать голову всякими бреднями, когда нет реальной причины для беспокойства, но он никак не мог это произнести. Ну вот не мог, и все. Потому что таков был гость.

– Думаю, Нил Нилыч, этим делом следует заняться. Возможно, ничего серьезного, но проверить стоит. Нельзя подвергать вас даже призраку опасности.

Визитер как-то сразу расслабился, вольнее развалился в кресле, словно его беду сняло, как пенку ложкой, и уточнил, какие меры следует предпринять.

Это полковник Вендорф и сам не очень представлял. Однако, изобразив на лице концентрированную работу мысли, изрек, начальственно растягивая слова:

– Для такого поручения требуется человек особого склада...

Эту мысль посетитель целиком поддержал, почтительно смолчав, чем вынудил полковника к неизбежному и такому нелюбимому делу – принятию конкретного решения.

– Тут нужен умный и расторопный чиновник.

– Неужели у вас такой есть? – невежливо спросил Нил Нилыч, но Вендорф пропустил шпильку мимо ушей.

– У нас много дельных чиновников, – с тихой гордостью парировал он. – Но вам порекомендую лучшего.

Посетитель затребовал подробности, которые ему выложили незамедлительно. Оказалось, в хозяйстве полковника Вендорфа имеется прямо-таки целое сокровище, не чиновник, а просто золото. Разве что не блестит.

Начать с того, что образование получил отменное, даже несколько более глубокое, чем требуется. Как известно, хороший чиновник должен быть слегка глуповат, чтобы не мешать начальству беззаботно собой руководить. Но этот грех герою простили. Петербургский университет только ленивый не оканчивал, тут не удивишь, а вот удивительно, что от древних греков и римлян он подал прошение в Департамент полиции. Но и там не счел полезным, как другие прилежные господа, заниматься бумагами, карьерой, подсиживанием, услугами начальству и прочей волнующей деятельностью, а взял да и потребовал направить в самое пекло и грязь, а именно в сыскную полицию. Такой поворот привел директора Департамента в замешательство, но, будучи склонен поощрять молодых в набивании шишек, он отправил-таки его в сыскную, наградив статусом чиновника для особых поручений. Заявившись в хозяйство статского советника Воцинина, молодое дарование было сразу же отправлено куда подальше по причине

вьедливого характера и неумной жадности совать нос куда совершенно не следует. В результате чего чиновник был сослан в 4-й участок Казанской части формально нести службу от сыскной полиции.

Описав вкратце столь редко встречающиеся ныне свойства, граничащие с глупостью, полковник Вендорф отметил кое-что из личных качеств, бесполезных в таком туманном деле. С его слов выходило, что чиновник этот обладает исключительным упрямством, при этом может быть резок и даже груб, за словом в карман не лезет, а уж если за что-то возьмется, то лоб расшибет, но добьется результата. Причем владеет поразительным умением анализировать и находить невидимые глазу причины и подоплеки. Что отрадно: не скрывает своих карьерных амбиций и явного желания быть лучше всех. Так что в итоге самая подходящая кандидатура для такого «загадочного» дела.

Характеристика произвела впечатление. Нил Нилыч осведомился с почтением:

– Наверное, уже титулярный, не меньше?

– Нет, пока еще коллежский секретарь.

– Сколько же ему?

– Двадцать три года.

– Не слишком ли молод?

«В самом соку!» – уже хотел выпалить полковник, но вовремя спохватился. Все-таки чиновник полиции, а не спелая ягода.

– Совсем недавно ему удалось распутать сложнейшее дело. Можно сказать, вывел на чистую воду опасного убийцу, а другого помог задержать по горячим следам. Прямо-таки дуэтом.

– Ишь ты, шустрый. Значит, не скикует.

– Не то слово. Такой клапшгос заложит – только подивитесь. Если, конечно, есть какого шара играть.

Поклонники русской пирамиды отлично поняли друг друга. Но Нил Нилыч все же поинтересовался: неужели у юноши нет слабости или какого-нибудь завалящего недостатка? Оскар Игнатьевич собрался было посплетничать, но вовремя сдержался: посетитель мог неправильно понять. Или, вернее, принять на свой счет.

Дело в том, что единственным недостатком юного коллежского секретаря, по мнению начальства, был его семейный статус. Точнее, полное отсутствие такового. В свои зрелые годы энергичный чиновник полиции был еще преступно не женат. И это возбуждало смутную тревогу. В самом деле, как можно доверить охрану самого дорогого, что есть у каждого чиновника, – власти – тому, кто никогда не управлял своей женой? Достаточно ли крепка рука его, если никогда не знала вожжей, которыми управляется, во всяком случае в теории, любезная супруга? Можно ли доверить ему российскую государственность, если ни одна женщина не доверила руководить ею? Не имея других, более важных вопросов, начальство скрытно и пристально следило за семейной коллизией чиновника, но терпение могло закончиться. А вместе с ним и карьера удалыца. Но все это касалось исключительно отношений между начальством и чиновником. И никого больше.

Нил Нилыч же был совершенно удовлетворен. Пока Вендорф набрасывал на фирменном бланке рекомендательное письмо, гость развлекал его подробностями недавно сыгранной партии, в которой обыграл заезжего зазнайку на червонец. А получив конверт, сообщил, что для такого замечательного друга готов на любую услугу.

– Значит, я могу надеяться? – скромно потупившись, спросил Оскар Игнатьевич.

– Не просто надеяться, теперь я ваш должник! Все, что угодно!

– В ближайшее воскресенье удобно?

– Да хоть завтра! Надеюсь, больше суток вашему герою не потребуется, чтобы раскрыть тайну.

Полковник искренне на это надеялся. И добавил:

– Не мазу ведь жалко, тут дело принципа. И уж кажется, метко кладу, а он, подлец, летит куда захочет.

Кто бы мог подумать, что грозный полицеймейстер и вообще четвертинка полицейской власти столицы мечтал не о чинах и наградах, а о самом желанном, после варенья, невинном счастье: обучиться хитрому рокамболу, которым Нил Нилыч одержал не одну победу в пирамиде. Чтоб шар класть в лузу так... Ну, в общем, что тут поделывать: наши слабости – вторая натура.

3

Садовой улице по чести следовало зваться Рыночной: садов на ней раз и обчелся, а торжищ целых пять. Потому аромат кипящего варенья оведал ее из конца в конец. Особо густой дух скопился как раз посередине, в промежутке между Сенным рынком и Никольским.

Напротив подъезда доходного дома стояла пролетка, на козлах которой восседал излишне смуглый извозчик, украшенный не суконным цилиндром с пряжкой, а восточным тюрбаном, замызганным до крайней степени. Рядом с пролеткой стоял господин среднего роста, в одной руке которого имелась вязанка толстых книг, стянутых сырой бечевкой, а в другой болтался потертый саквояж. Господин был, прямо скажем, юн, слегка тучноват, но в самую меру, на крепкой шее сидела довольно крупная голова, подстриженная аккуратно, но коротковато, что позволяла заметить лихо сдвинутая на затылок шляпа. Одет по-летнему просто и неброско, так что трудно заметить что-то выдающееся в костюме. Выдающееся было в другом. Начать с того, что лицо украшали черные, как крыло коршуна, усы, да такие пушистые и густые, что укрощать их пришлось при помощи помадки. Несмотря на титанические старания цирюльника, казалось, что в любую минуту усы эти готовы непослушно выпрыгнуть и распушиться во всю удаль.

Но самое большое впечатление производил взгляд молодого господина. Не то чтобы он был наглым или вызывающим, однако блесело в глубине зрачков нечто такое, что чуткого человека заставляло понять: перед ним не абы кто, а большая умница, обладающий недюжинной волей, хоть и скрытой за неуклюжей внешностью. Такой взгляд, пожалуй, мог свернуть в бараний рог впечатлительную натуру, а уж женскую половину человечества приводил в трепет наверняка. Многие барышни, попав под этот взгляд, озадаченно спрашивали себя: что это было? Домогается он меня втайне или пронзительно видит самую душу мою? Демон или ангел в упитанном обличье? Если бы барышни знали ответ, то ни за что бы не стали заглядывать в эти зрачки. В конце концов, не женские глаза, чего там расписывать, и так ясно. А вот другой его орган описать стоит. У юноши было стальное сердце. И никак иначе. Сердце, значит, у него было не пробиваемое чувствами. Такое вот крепкое и выдержанное, что просто дальше некуда. Во всяком случае, он в это искренно верил.

Молодой господин явно испытывал силу своего взгляда на извозчике, при этом не забывая отчаянно ругаться. Речь шла о стоимости поездки. Пассажир с мелким багажом требовал отвезти до Царскосельского вокзала по тарифу, на что извозчик, печально ухмыляясь, отвечал:

– Э-э-э, барин кароши! Какой такой тарифа, что ти! Коня кармит нада? Нада. Детэй кармит нада? Нада. Да еще жена кармит нада, две штука. Тарифа их кармит будет, да? Давай рубь, паехали.

Как видно, извозчик недавно перебрался в столицу из восточных окраин империи, быть может, из Туркестана, и отчаянно пытался огрести деньгу. Но молодой господин был на этот счет другого мнения.

– Тариф для извозчиков утвержден градоначальством. Это закон. Так? – закричал он. – А закон надо исполнять, нравится вам это или нет.

– Э-э-э, барин, такой маладой, а такой жадни!.. Давай рубль, паехали, – канючил извозчик, пропустив мимо ушей неслышанно вежливое обращение на «вы».

– Я не жадный, но требую соблюдения закона! Тридцать копеек и ни копейкой больше.

Шарманка спора закрутилась по новой, что доставило истинное удовольствие прохожим и бездельничающим обывателям.

Пора уж приоткрыть завесу тайны над этим скандалом. Молодой господин не был скрягой, жмотом или скопидомом, а в обыденной жизни служил легкой добычей наглых приказчиков и домовладельца особенно. В практических вопросах домашнего хозяйства или закупки провизии был наивен на удивление. Откуда же взялось это яростное упорство базарного торговца? Извозчику, что называется, повезло попасть под руку в самое неудачное время.

Со вчерашнего дня юный господин кипел возмущением. Все началось с пустяка. Заглянув на обед к матушке, обнаружил он, к крайнему удивлению, что его собираются женить. Да не просто женить, а на милой барышне с большим приданым и, конечно, из благополучной семьи. Матушка его, женщина добрая, но одержимая идеей видеть младшего сына под венцом, раз уж со старшим ничего не вышло, накинулась со всей материнской беспощадностью. Сыночку была представлена фотография невесты, девушки милой, но совершенно незнакомой и нелюбимой, после чего заявлено, что завтра они отправляются на смотрины, после которых он обязан официально просить руки и даже сердца своей избранницы.

Поначалу юноша был так занят окрошкой с пирожками, что слушал вполуха, а вернее, не слушал вовсе, принимая эту речь за очередное материнское наставление, которые научился блистательно не замечать. Но под конец окрошки вдруг осознал, что дело принимает неожиданно серьезный оборот. Его не просто хотят женить силком, но уже и силки расставили. Попытавшись образумить матушку, обнаружил он, что скован по рукам и ногам. Осталось подставить шею под ярмо. А вот этого в ближайшем обозримом будущем он делать как раз не собирался. Не так давно пришлось ему пережить болезненное крушение страстной любви. Внешне это никак на нем не отразилось, виски не поседели, он не начал заикаться, но душевные раны были свежи и кровоточили, так что при слове «женитьба» бросало его то в страх, то в трепет. Говорить с ним нынче о женитьбе было так же уместно, как беседовать с селедкой о рассоле. Но матушка, не зная удержу и пощады, требовала сыновней покорности вообще и немедленного брака в частности.

Бывают минуты, когда и пойманная птичка бьется до последнего перышка, раз терять нечего. И миг такой настал. Хватив кулаком о стол, юноша вскочил и заявил, что женится только на той женщине, которую сам приведет в дом, а иначе ноги его больше не будет в этом доме. С чем и выскочил. Кипя гневом всю ночь, поутру он направился на службу в 4-й участок Казанской части и потребовал, именно потребовал у пристава предоставить ему отпуск на две недели. Видя такую напористость, пристав Вершинин-Гак по прозвищу Желудь молча подписал отпускное удостоверение и пожелал счастливого отдыха.

Молодой человек прилетел домой, связал в стопку любимейшие книги, среди которых нашлись «Золотой осел» Апулея и «Диалоги» Платона, побросал в саквояж чистое белье и нацелился сбежать в имение к бабушке, чтобы заглушить горе в тенечке малинового куста. А заодно не упустить урожай свежего варенья, которое, по его тайному поверью, само собой произрастало в банках, стоило лишь зайти в чулан.

И вот между ним и вареньем бабушки встал несчастный извозчик. Представляете?

Но, пожалуй, мы отвлеклись и не заметили, как лихо притормозил фиакр-двуколка, как возница осадил взмыленного рысака, сам же бросил поводья и спрыгнул на тротуар. Изучив представшего персонажа с книгами и саквояжем, господин тихонько хмыкнул, что могло означать только крайнее сомнение, однако же быстро утопил это сомнение в гримасе исключительного добродушия.

– Родион Георгиевич! – закричал он. – Какое счастье, что успел! В участке сказали, что вы отбыли в отпуск.

– Уже отбываю, – ответил юноша, быстро и тщательно осмотрев незнакомца. Приобретенная на службе привычка составлять мгновенный портрет сработала, несмотря даже на отпуск. Портрет вышел странным: мужчина имел такой цветуще-обтекаемый вид, что определить его возраст было затруднительно. Может быть, тридцать пять, а может, сорок или даже все сорок пять. Взгляд открытый и приветливый, исключительно хорош собой, что ценит и всячески подчеркивает. Улыбка неотразимая, привык оказывать на людей неизгладимое впечатление, добродушен, но эгоистичен и избалован. Камешки на перстне, запонках и брелоках, алмазная заколка в галстук и золотая цепочка, виднеющаяся из кармана жилетки, говорили за себя. В средствах не нуждается, умеет жить весело, от души. Занимается спортом и тщательно следит за собой. Одет по моде. Не женат.

– Вы кто? – недружелюбно спросил проницательный юноша.

– Позвольте представиться: Бородин Нил Нилыч! – сказал господин таким тоном, будто ожидал взрыва аплодисментов, никак не меньше. Его наградил угрюмый взгляд извозчика, который почуял, что добыча ускользает. Повертевшись на облучке, потомок орд Чингисхана вымученно заканючил:

– Э-а-э, ладна, тарифа давай твая, пятьдесят капейка.

Но пассажир уже потерял интерес к торгу и разговаривал только с обладателем брелоков и цепочек:

– Что вам угодно?

– Мне рекомендовали вас как замечательного сыщика... – начал Бородин, но тут же был одернут.

– Я не сыщик, а чиновник сыскной полиции, – мрачно сказал юноша и тут же добавил: – Для особых поручений.

– В любом случае, господин Ванзаров, это вам... – появился конверт с грифом 1-го отделения столичной полиции. – Ознакомьтесь следует немедленно.

Развернув жесткий листок канцелярской бумаги, юный чиновник полиции прочел:

«Милейший Родион Георгиевич...»

От такого обращения вышестоящего начальства добра не жди. Собрав мужество, углубился в дальнейшее:

«Обращаюсь к вам не столько по служебному распоряжению, сколько как к самому талантливому и дельному специалисту, какого знаю в нашем ведомстве. У господина Бородина – человека, приносящего обществу и городу много пользы, – возникло некоторое затруднение, которое способны разрешить только вы. Надеюсь, это не отнимет у вас много времени. По любому вопросу, связанному с этим делом, можете обращаться ко мне напрямую. И в дальнейшем двери для вас всегда открыты. Полковник Вендорф».

Иной чиновник за такое послание готов был бы отдать полкарьеры и жену в придачу. Шутка ли, сам полицеймейстер предлагает свое покровительство. Но Ванзаров скомкал письмо и равнодушно спросил:

– Что-то срочное? У меня отпуск.

– Тут такая история... – Бородин для чего-то понизил голос. – Не знаю, как и начать... Лучше бы вы сами посмотрели. Без натяжки могу сказать: дело загадочное, если не таинственное. Я несколько встревожен. Без вас не обойтись.

В любой другой день, услышав волшебные слова «загадочное» и «таинственное», Ванзаров бы поскакал куда угодно, как полковой конь на звуки трубы. Но сегодня...

– У вас семейные неприятности?

Верно уловив намек, Бородин пронзительно улыбнулся:

– Ну что вы! Какие могут быть неприятности, я же не женат. Да и разве посмел бы я отрывать такого специалиста ради тривиальной слежки за неверной. Что вы!

– Пропал любимый перстень?

– Не угадали. Ну-ка, третья попытка...

Простых объяснений странной спешке не нашлось. А потому, прикинув на одной чаше варенье бабушки, а на другой заманчивую тайну, чиновник полиции закинул связку книг с сак-воажем в фиакр, чем до глубины души опечалил восточного извозчика.

И поделом – сказано же: тариф!

4

Фиакр правили одной, но твердой рукой. Казалось, лошадь бежит сама, будто зная, где следует поворачивать, а где наподдать, возница же держит вожжи с хлыстом для собственного удовольствия. Управлял Бородин с тем легким изяществом, что достигается высоким уровнем мастерства. При этом успевал, не умолкая, болтать. Уже через десять минут Ванзаров знал о нем все необходимое и без допроса.

Нил Нилыч оказался единственным сыном и наследником своего отца, господина Бородин, который разбогател на торговле керосином, сколотил приличное состояние, но, открыв, что работа – это не все, что может быть приятного в жизни, продал дело и зажил на составленный капитал без забот. Женившись на девушке небогатой, но приличной, Бородин-старший произвел на свет наследника, которому был искренне рад. Только воспитать как следует не успел. Когда мальчику было пять лет, он скончался от сердечного приступа, успев завещать все наследство единственному отпрыску. После чего воспитанием сына занялась маменька. Бородин-младший получил неплохое домашнее образование, хотел было поступить в армию, но военная дисциплина была не для него. Затем появилась мысль посвятить себя государственной службе. Написал прошение на поступление в Министерство уделов и даже ходил на службу целую неделю. Однако нюхнув чиновничьего духу и вкусив министерских порядков, понял, что ломать в себе человеческое достоинство нет никакого смысла. Принести пользу отечеству чиновник не может по определению, не для того служит, а в жалованье Бородин не нуждался. Смысла в службе не нашлось ни на грош. И с тех пор он зажил в свое удовольствие, найдя, впрочем, применение своим силам.

– Играете на бильярде? – спросил Бородин и даже как будто дружески подпихнул локотком в бок. Но, возможно, фиакр просто качнуло.

Ванзаров ответил неопределенно. Не то чтобы ему не были знакомы контр-туш, краузе, абриколь и прочие карамболи, но раскрывать свои пристрастия перед незнакомым господином было крайне нерасчетливо. А вот рассчитывать Родион Георгиевич умел с удалью завязанного математика. Недаром в духовные наставники выбрал старину Сократа и его логику... Ну да ладно, не будем отвлекаться.

Нил Нилыч запел прямо-таки канарейкой. Для начала скромно сообщил, что не знает в столице и окрестностях другого игрока, способного уложить его в русскую пирамиду. Слава о бородинском мастерском ударе и крученых шарах достигла, кажется, самых отдаленных уголков мира, поклонники специально приезжают в Петербург, чтобы посмотреть, как он играет. Авторитет его в мире бильярда настолько непререкаем, что стоит Бородину появиться в бильярдной зале, как противники в панике бросают кий и сдаются, так что в последнее время он даже заскучал, не имея достойного соперника. Мастерство досталось по наследству от батюшки, который тоже был не дурак шары погонять, но истинных высот достиг благодаря личному таланту и усидчивости. И вообще, как было бы чудесно, чтобы по бильярду проводился турнир, если не европейского масштаба, то хоть российского! Тогда все награды и кубки были бы у Бородина. Как же иначе.

– Сколько вам лет? – вдруг спросил Ванзаров.

Нил Нилыч хитро подмигнул:

– Угадайте. Проверим, какой вы пронизательный сыщ... чиновник полиции.

– Между сорока и сорока пятью.

Мастер бильярда расплылся в победной улыбке:

– Благодарю за комплимент. Мне сорок восемь! Удивлены?

– Что ж до сих пор не женаты?

Проскочила интонация уж слишком личная, совсем не такая, какой требует непринужденная беседа. Но, кажется, Бородин не заметил.

– Ай, как-то не сложилось, – легкомысленно ответил он. – Играл несколько верных партий, но всякий раз случался фукс. То одно, то другое... Но в самое ближайшее время намерен этот вопрос решить положительно. Пора бы уже детишек завести, надо же кому-то передать мастерство, да и годы берут свое... Хо-хо! А позволите вас спросить о том же?

Родион, застигнутый врасплох, смог отбиться только с помощью своего обожаемого Сократа. Уродливый мудрец, как известно, относился к семейной жизни как к подвигу, почему и говорил: «Женишься ты или нет – все равно раскаешься». Или: «Брак, если уж говорить правду, зло, но необходимое зло». И даже: «Если попадетсЯ хорошая жена, будешь исключением, а если плохая – станешь философом». Пробормотав нечто подобное, Ванзаров аккуратно перевел разговор на происшествие, но Бородин внезапно замкнулся, отговорившись, что лучше увидеть своими глазами.

Показался Крестовский остров, «прицепленный» к Петроградской стороне хлипким деревянным мостком. Под ударами копыт помост раскачивался и подрагивал, словно нежная барышня, попавшая в дремучую чащу. Счастливо миновав переправу, фиакр углубился в древесную зелень, среди которой петляла грунтовая дорожка.

Цель поездки несложно было разглядеть издали. Дом был построен полвека назад, но построен как-то затейливо. Будто архитектор задумал воздвигнуть массивное дворянское гнездо, но потом плюнул и соорудил что попало. Одноэтажный дом, широко раскинувшись на лужайке, казался хронически недостроенным, чем и гордился. Гостей встречал парадный подъезд с большими полукруглыми окнами, по бокам подъезда торчали два выступа. Один был явно нежилой, с наглухо закрытым окном, зато в противоположном створки распахнуты, внутренности комнат прикрывает портьера. С правой стороны особняка виднелся широкий эркер с множеством окон. Вдоль дороги протянулся невысокий заборчик, подпираемый шеренгой кустов крыжовника. Чуткий нос чиновника полиции уловил волнующий аромат.

Фиакр въехал в настежь распахнутые ворота. Бородин соскочил и пригласил следовать за ним. Встречать гостя и хозяина никто не спешил. Ни прислуга, ни конюх, ни домочадцы не показались. В широкой зале, в которой Ванзаров очутился прямо с порога, было прохладно. Среди привычного хаоса мебели и домашних мелочей, каких в любой квартире собрано предостаточно, выделялся роскошный бильярдный стол с новеньким сукном. Но и здесь никого не было. Зато поблизости слышались женские всхлипы. Ничего более таинственного или преступного зоркому взгляду сыскной полиции не попало. Нил Нилыч замешкался и вдруг сказал:

– Будет лучше, если сначала увидите... Пойдемте.

Любезный хозяин пригласил гостя выйти вон, они прошли мимо коня, за что-то обозванного Буцефалом, занятого уничтожением цветочной клумбы, которую, впрочем, уже трудно было испортить, и вышли на задний двор. Забор, прикрывавший дом с фасада разве что от зайцев, внезапно обрывался. В дальних углах двора виднелись деревянные постройки, служившие баней, дровней, сараем и, кажется, конюшней. Посреди двора возвышалось сооружение из жаростойкого кирпича, обугленное и обгоревшее. Невдалеке виднелся широкий стол, заставленный стеклянными банками и кухонными принадлежностями. И опять никаких сле-

дов разбоя или другого гнусного преступления, если не считать медной сковороды, которая печально плавала в луже варенья. Подозвав гостя жестом, Бородин указал на сооружение из двух широких тазов: один накрывал другой.

– Вот, – сказал Бородин с некоторой тревогой и даже оглянулся по сторонам.

Ванзаров предоставил событиям развиваться своим чередом. Нил Нилыч решительным жестом сорвал верхний тазик. Под ним обнаружился другой, поменьше, тоже перевернутый кверху дном, прикрывавшим что-то на поверхности сахарных ягод. Уже явно трусая, Бородин прикоснулся к покрывашке и быстро сдернул ее. Под такзиком оказалась горка колотого льда.

– Там, – сдавленным шепотом выдавил мастер бильярда. – Смотрите сами.

Твердой рукой Родион Георгиевич разгреб подтаявшие осколки.

5

Создания мрачной фантазии вроде нежити или привидений английских замков не так пугают, как тихий шорох в пустом доме или чья-то тень за углом. Ведь реальное менее ужасно, чем то, что создает наша фантазия. Воображение порождает страх. Из-под льда кто-то смотрел. Прямо в Ванзарова уставился немигающий взгляд.

Воображение услужливо преподнесло образы одноглазого Вия, затем чудовищного карлика, прячущегося в варенье, а напоследок водяного-недоростка (большой в таз с ягодами не поместится). Как только сознание прогнало одуревшее воображение, до Родиона дошло, что на него смотрит всего лишь глаз. Один глаз. Сам по себе.

Глаз смотрел не мигая потому, что мигать ему было нечем. Зрачок помещался в беловатом глазном яблоке с прожилками сосудов, за которым виднелся хвостик оторванного нерва. И больше ничего. Попросту глаз изъяли из человеческой головы и поместили среди кубиков льда, сахара и несваренной малины. Играть в гляделки с немигающим зрачком оказалось трудно. Прямо невыносимо трудно. И Ванзаров отвел взгляд.

– Как вам?

Родион хотел было сказать, что приходилось видеть и не такое: расчлененные трупы, изученные трупы, сгнившие трупы, трупы на любой вкус и предпочтение. Правда, все больше в учебниках криминалистики и на фотографиях из полицейского архива. В реальной практике ему лишь раз досталась отрезанная рука, да и та лежала рядом с мужем, ставшим жертвой ревности подруги. А вот так, чтобы глаз находился без жертвы преступления, – никогда. Но вместо назидательного мнения опытный сыщик, пардон, конечно, смог выдать многозначительное:

– Понятно...

Хотя ничего не было понятно. К тому же робость перед анатомическими подробностями еще не до конца выветрилась из стального сердца. Больше всего сейчас требовалась подсказка и помощь его друга и коллеги – эксперта Лебедева, но ее ожидать было бесполезно. Светило криминалистики и лучший знаток всего, что связано с научной частью расследования преступления, отбыл к волнам теплого моря, чтобы предаваться неге, ничегонеделанию и приударять за хорошенькими женщинами, которые, как известно, на юге водятся в изобилии. Оставалось рассчитывать только и исключительно на себя. Это не радовало. Вот, например, как определить, чей глаз: человеческий, коровий, а может, крупной собаки?

Заставив себя посмотреть, Родион все же склонился к мнению, что глаз человеческий. Уж больно неприятно на душе. Но вот чей именно – мужчины или женщины, какого возраста или роста, – понять совершенно невозможно. И все же цвет радужки – морская волна – запомнил, так некстати, некие васильковые глазки, которые Ванзаров заставил себя забыть.

– Вам знаком этот глаз?

Вопрос заставил Бородина несколько усомниться в умственных способностях юноши. Он честно признался, что видит его впервые.

Родион уже пожалел, что не сдержался. Действительно, узнать глаз знакомой персоны на его привычном месте – среди век, ресниц, носа и бровей, – в конце концов, труда не составит. Но вот так, в виде белесого шарика, наверное, даже Лебедев не справился бы.

– Так и обнаружили – среди льда?

Повернувшись к тазу спиной, Нил Нильч изобразил дружелюбную улыбочку:

– Представьте картину: вижу сладкий утренний сон, в который врывается омерзительный визг. Думаю: наверняка какая-нибудь дворняга под колеса попала. Лежу, дремлю. Вдруг визг смолкает и начинаются истошные крики Аглаи...

– Кто такая Аглая?

– Аглаюшка – нянюшка, воспитала меня вместе с матерью. Так и живет с нами, ангел, а не женщина, сама доброта и любовь. Теперь у нас вроде домоправительницы... Да, так вот кричит она что-то несусветное, вроде проклинает кого-то. Тут уж не стерпел и, как был в ночной рубашке, выбежал во двор. Что же вижу? В луже варенья сидит Тонька...

– Кто такая Тонька?

– Наша кухарка! Так вот, сидит она в свежем крыжовенном, воеет, а над ней ярится Аглая. Подхожу, выясняю, из-за чего сыр-бор. Няня показывает на тазик с малиной. Я-то сначала не разглядел, а как понял, в чем дело, аж дурно стало. Нет, ну подумайте, среди бела дня в своем варенье найти чей-то глаз!

– Моя тетя как-то раз купила на Апраксином рынке банку клубничного, – доверительно сообщил Ванзаров. – Открыла, а там таракан засахаренный. Безобразие, конечно. Но полицию не вызывала.

Мудрое замечание заставило Бородину опять усомниться в правильности рекомендации полковника Вендорфа. Уже не так дружелюбно он спросил:

– По-вашему, ничего странного – найти на заднем дворе часть человеческого тела?

– Я бы так не сказал, – уточнил Родион. – Но и принимать близко к сердцу не стал бы.

– Почему же?

– Скорее всего, это чья-то глупая шутка. Быть может, местные хулиганы решили попугать. Сидели в кустах и животы надрывали, когда ваши женщины подняли панику. Все это вполне может разобрать местный пристав. У ваших домашних глаза на месте?... Ну, вот видите. Думаю, и дела-то никакого нет.

– А я так не думаю, – упрямо сказал Бородин. – Потому и обложил глаз льдом, чтобы настоящий полицейский специалист выяснил, что случилось. Но, кажется, ошибся.

Вызов, брошенный недрогнувшей рукой бильярдиста, был поднят чиновником полиции, тщательно осмотрен, взвешен на предмет выбора между ним и бабушкиным вареньем и, наконец, принят.

– В таком случае прошу изложить настоящие причины вашего беспокойства. Потому что этого... – Ванзаров кивнул на тазик с малиной, – ... явно недостаточно для серьезного расследования.

Поеживаясь под буравящим взглядом, который, казалось, так и просверливает внутренности, Бородин подумал, что юнец не так уж и прост, как кажется, а может, и вовсе придуривается – сам же аккуратно проверяет да прощупывает. С ним надо играть штосом: честно и в лоб.

– Нянька кричала о каком-то роковом проклятье, которое висит над нашей семьей и всех погубит.

– Вы когда-нибудь слышали о нем? – спросил Ванзаров без тени иронии.

– В том-то и дело, что нет. Наша семья – тихий, мирный и очень дружный кружок, в котором никогда ничего трагического, а уж тем более рокового не случилось. Мы самые мирные обыватели, если хотите.

– Ваша няня упоминала еще и рок?

– Насколько понял... А еще, – Бородин замялся и наконец решился, – глупо признаваться, но я действительно испугался. Какое-то чувство подсказывает, что все это неспроста, за всем этим что-то есть, какая-то недобрая тайна, которая угрожает и мне, и моим близким. Ну разве можно с этими домыслами пойти к приставу?

Вот это Родион очень хорошо понимал. Местный хранитель порядка в лучшем случае выслушал бы, а потом повертел бы пальцем у виска. И делать ничего не стал бы. Не так усердна полиция, как ее представляют. Но Ванзаров отнесся иначе.

Придя в сыскную полицию, юноша искренне верил, что станет бороться с выдающимися преступниками, разоблачать захватывающие тайны и разгадывать запутанные происшествия. Романтический туман быстро рассеял ветер грубой реальности, но шемящее чувство неудовлетворенности и, если хотите, вера в чудо остались. Родиону так хотелось быть великим... ну, что поделать, придется сказать это запретное слово: «сыщиком». И уж если к слову «сыщик» он приобрел стойкое отвращение, то стать великим чиновником сыскной полиции не отказался бы. И сейчас ощутил, вернее, услышал в глубинах органа интуиции тихий звоночек, который тренькнул: «Берись, Родион, тебя ждет удивительное дело, останешься доволен». А уж своей интуиции Ванзаров верил, как Лебедеву.

– У вас водка есть?

В растерянности Бородин даже нос почесал:

– Пять сортов. Какую предпочитаете? С закуской или так, на занюх?

Что тут поделать! Сплетни о жутком пьянстве в полиции не то чтобы были беспочвенными, но уж к коллежскому секретарю Ванзарову отношения не имели.

– На службе – никакую, – ответил он. – А еще позвольте баночку, чтобы сохранить улику. Без Лебедева это было все, на что он способен.

Прикасаюсь к глазу Нил Нилыч вежливо, но твердо отказался. Задержав дыхание, Родион большим и указательным пальцами придавил комочек. На ощупь оказался слизковат и похож на гнилую сливу, которая готова лопнуть от нажима. Нырнув в водку, шарик кувыркнулся и устоялся на чиновника полиции.

Улика в прямом смысле слова накрылась медным тазом. Чтобы мухи не садились или женщины, случайно увидев, не упали в обморок. Тщательно оттерев пальцы, с которых, все казалось, не сходит слизь, Ванзаров сказал:

– Поброжу в округе, может, что-нибудь обнаружится.

Бородин изъявил горячее желание следовать за сыскной полицией, куда бы ни закинула судьба.

6

Кого заносило в прерии, тот знает, как подкрадывается к жертве леопард. Пригнувшись к земле так, что и спины не видно, бесшумной тенью скользит в траве. Ни один стебелек не дрогнет, никакая веточка не хрустнет. Коварно и осторожно подкрадывается пятнистая кошка к своей добыче, прикрываясь до последнего травой, и лишь в решительный миг делает бросок. Наш местный «леопард» прилично возвышался над зеленой травушкой, никуда не прятался, хотя двигался аккуратно и неторопливо.

Изображать из себя следопыта прерий Родиона заставила логика. Никто более на это не был способен. Логика была неумолима: раз глаз оказался в варенье, то все остальное, в чем он помещался, должно быть неподалеку. Ах да, тут надо сделать важное отступление.

Еще только увидев этот глаз, Ванзаров сразу подумал об убийстве. Трудно представить, чтобы из живого человека изъяли глаз и этот человек дальше принялся разгуливать по Невскому проспекту как ни в чем не бывало. Скорее всего, кого-то умерщвили, после чего у него

и одолжили глаз. Зачем? С этим вопросом предстояло серьезно разобраться. Но если найти того, кто лишился своего ока, будет проще протянуть цепочку. Быть может, это кто-то, близкий к Бородину.

Полицейская практика подсказывала Ванзарову, что убийца, совершив преступление, оставляет отрезанные части недалеко от самого тела. Родион покопался в кратком архиве памяти и смог обнаружить всего два случая, да и то похожих отдаленно. Так, в 1892 году в съестной лавке было найдено тело с отрезанной головой. Следствие выяснило, что убитый – фейерверкер² Голубев, содержатель постоянного двора. Убийцей оказался его друг и собутыльник Иванченков, с которым они пьянствовали два дня и допились до того, что затеяли драку. Попавший под руку кухонный нож сделал свое дело. При первом же допросе Иванченков во всем сознался.

Второй случай был в 1893-м и до омерзения походил на первый. На станции Плюса Варшавской железной дороги обнаружили труп неизвестного с отделенной и изуродованной головой. Энергичный розыск открыл, что убит гимназист Мякотин, который ехал со своими старшими приятелями. Они и позарились на его деньги. Предъявленные неопровержимые улики вынудили бывших гимназистов признаться в жестоком убийстве по причине длительного пьянства. И это все. Никогда еще сыскная полиция не сталкивалась с отдельно лежащим глазом в сахаре и малине.

Трава в этом году выросла сочная и густая. Разглядеть в ней что-то оказалось затруднительным. Ванзаров принялся за розыск по строго научной системе. Сначала обошел дом со стороны деревянных построек в поисках помятой растительности, как это бывает, когда волокут мертвое тело. Но кругом трава росла прямо. Только вблизи эркера виднелась свежая тропинка. Смяла ее преступная нога или невинная, зелень не докладывала. Ясно одно: человек шел и тяжести за собой не волок. В других местах и того не было, как будто около особняка никто не ходил недели две, а то и больше. Пришлось, к сожалению, признать: вблизи тело не обнаружить.

Быть может, скрывалось оно где-то за дальними деревьями? Но и здесь ждала неудача. Ничего похожего на след от тела или само тело раздобыть не удалось. Как ни печально, но и пятен крови не было. Залезать в небольшой пруд и шарить по дну коллежский секретарь счел недостойным себя. Оставалась надежда, что преступник проявил чудеса осторожности и шагал так, чтобы не смять травы. Но, быть может, обронил или бросил еще какой-нибудь орган? Стодилась бы любая мелочь: хоть нос, хоть ухо.

Уже не зная, что ищет, Родион медленным леопардом рассекал траву, отодвигая кусты носком ботинка. Кроме камней да гнилых листьев на земле, не попадалось ничего мертвого.

– Ох ма! – вдруг вскрикнул чиновник полиции.

– Что?! Что там?! – эхом взвизгнул испуганный Бородин, который все это время следовал тенью леопарда, не отставая и не открывая рта.

– Белый гриб огромного размера.

– Фу ты... Разве можно так пугать, Родион Георгиевич! Я уж подумал, что... У нас их тут много бывает в урожайный год. И в лес ездить не надо.

– Что же подумали?

– Не знаю, может, руку или голову нашли...

От такой находки Ванзаров не отказался бы. Но убийца не захотел облегчить розыску дело. Следовало признать: удаление глаза произошло в неизвестном месте, находящемся от особняка на неизвестном расстоянии, и при этом нахождение самого тела также печально неизвестно. Судя по всему, преступник не крался к дому по зарослям, чтобы коварно под-

² Мастер фейерверков.

бросить глаз в варенье, а преспокойно подъехал или подошел по дорожке, заглянул во двор и испортил кухарке готовку. Было в этом что-то омерзительно простое и примитивное.

И все же поиски в траве дали неожиданный результат. Решительным шагом, при котором уже надо придерживать шашку, приблизился местный городской Лялин и строгим тоном потребовал отчет: по какому делу двое господ приличного вида, даже не пьяные, шляются вот уже с полчаса по окрестным кустам, словно потеряли что-то. А может, замышляют противозаконное?

Ответа Лялин не дождался, а отвечать пришлось самому и даже вытянуться по стойке «смирно», когда узнал, какого господина посмел беспокоить. Похвалив его за бдительность, Ванзаров расспросил о перемещениях подозрительных лиц в округе сегодня утром. Городовой доложил, что находился на посту, как и полагается, с седьмого часа, за всем, конечно, не уследишь, участок большой, но, по его наблюдению, никого подозрительного не было. Потому как народу-то почти и не было. А кто проходил – так все свои, местные. Родиона подмывало вытащить глаз, но, пожалев нервы Лялина, отпустил постового с миром.

На заднем дворе все было по-прежнему: медный таз прикрывал улику, ни одного домашнего не объявилось.

– Испугались, приходят в себя, отсиживаются по комнатам, – пояснил Бородин.

– Сколько держите прислуги?

– Сейчас только кухарка Тонька и лакей Орест. Скоро вернутся конюх Митька, дворовый работник Никодим, он же истопник и плотник, и еще горничная Дарья. Мы их на лето к родне в деревню отпускаем. Аглае приходится за троих управляться.

Вынув пока единственную улику, Ванзаров предался созерцанию. В водке глаз чувствовал себя превосходно, смотрел на чиновника полиции, широко раскрыв... вот ведь проблема: что бы глазу широко раскрыть? Ну да ладно...

Как опытный экспериментатор, Родион взболтал содержимое. Глаз послушно запрыгал шаловливым мячиком. От такого исключительного зрелища Бородина охватило чувство омерзения. Он предательски булькнул.

– Экий вы нежный, – задумчиво проговорил Ванзаров, хоть и его слегка подташнивало. – Пора взяться за свидетелей.

– За кого? – спросил Нил Нилыч, глубоко и медленно выдохнув.

– За ваших домочадцев попрятавшихся. Надеюсь, позволите?

– Конечно... Раз надо... Только умоляю: уберите куда-нибудь эту гадость. Не пугайте маменьку и Аглашу.

Ванзаров пообещал, но тут же выставил банку вперед:

– И все-таки: вам никого не напоминает? Может, вспомните?

Нил Нилыч охнул и стремительно удалился в дом.

7

«Прибытие поезда» братьев Люмьер открыло эру кинематографа один раз и надолго. А вот прибытие паровоза из Первопрестольной в Имперскую открывает сезон охоты каждый день. Безжалостные хищники слетаются стаяй, ждут в нетерпении и, стоит появиться несчастным жертвам, набрасываются, вырывая сочные куски. Каждый извозчик знает: ловить приехавших прямо с поезда – дело выгодное. Попав в большой город, пассажир становится похожим на слепого котенка. Вот тут-то его и надо брать тепленьким. А потому в назначенный час у площади Николаевского вокзала собирается целый эскадрон пролеток, сами извозчики дежурят у выхода. И на перроне за руку хватили бы, жаль, не пускает полиция. Но этого места бывает достаточно. Жертва сама идет в пасть.

Ступеньки вагона третьего класса кое-как одолел господин домашнего склада в помятом костюме. Одним добродушным, если не сказать простецким видом он возбуждал жажду наживы. Багажа с ним было немного, а сказать честно, почти никакого: потертый портфель да куль, замотанный в платок и самые простецкие веревки. Внутри мерно позвякивали банки, как видно, с вареньем. Господин только шагнул от вагона, как на него налетела какая-то фигура, а тут еще мальчишка в ногах запутался. Незнакомец отшатнулся и, сняв шляпу, искренне извинился, что причинил неудобство, после чего стремительно растаял в толпе. Пожилой господин даже не успел поклониться в ответ. Ему стало стыдно, что, оказавшись в столице, первым делом проявил неуклюжесть.

Вежливость петербургских жителей не знала границ. Упитанный извозчик обрадовался незнакомому приезжему как родному и так уж мило уговаривал нанять его, дескать, провезет недорого и с ветерком. Хоть в планах господина числилась скромная конка, но дружелюбный напор сломил экономность.

Извозчик ехал не спеша. Чего господин не замечал, наслаждаясь видом витрин, модно одетой публики и вообще оглушенный столичным духом. Пролетка остановилась у здания Министерства иностранных дел на Дворцовой площади. Повернувшись с облучка, извозчик попросил недорого, три рубля. То есть в шесть раз больше, чем того стоило. Господин испугался, но делать нечего: столичные цены, столичная дороговизна. И полез за кошельком. Во внутреннем кармане его не оказалось. И в наружных карманах тоже. Как, впрочем, не оказалось и часов. Господин признался, что кошелек потерял, и спросил извозчика, куда ему приехать, чтобы вернуть долг завтра. Но ванька принимать на веру не стал, а схватил портфель и баул, после чего выкинул пассажира, назвав обидным словом, хлестнул лошаденку и был таков.

Господин остался на главной площади империи без копейки денег и без вещей.

8

Говорят, дом – отражение семьи. Или народная мудрость оплошала, или характер этой семьи был загадочен. В обширном помещении кроме бильярдного стола нашли приют всевозможные вещицы. Имелись разнообразные китайские вазы, там и сям располагались бронзовые безделушки и фигурки кастлинского литья, по стенам вольно красовались картины вперемежку с офортами и фотографиями каких-то бородатых предков, по полу катились волны разношерстных ковров, а с потолка свешивалась люстра, бережно укутанная чехлом, в прорехах которого виднелись хрустальные сосульки. В большую гостиную, как для себя назвал это помещение Родион, выходило целых пять дверей, через проход, украшенный драпри, виднелась гостиная поменьше, а еще отрастал короткий коридорчик несуразного вида. Но самое поразительное располагалось в дальнем углу: пол с потолком соединяла спиральная лестница из кованого металла, перила которой завершались мощной львиной лапой. Для чего понадобилось это сооружение, ведущее в никуда, догадаться было не по силам даже сыскной полиции. Быть может, все тот же архитектор замахнулся на второй этаж, а потом бросил и от лени накрыл чердаком.

Где-то в отдалении тикали часы. Всхлипы утихли. Бородин гостеприимно выжидал, пока Ванзаров осмотрится и приняхается, лишь любопытствовал: угодно ли собрать всех в одном месте? Родиону было угодно как раз обратное. Он просил отвести его в комнату кухарки. Но Нил Нилыч, смутившись, предложил начать с маменьки: неудобно не представить хозяйке дома гостя, хоть и приятного во всех отношениях, но все-таки. И не дожидаясь согласия, нырнул в ближайшую дверь, из которой почти сразу выплыло передвижное сооружение на скрипящих колесиках.

Родион торопливо поклонился. А когда выпрямился, был сражен открывшимся зрелищем. На величественную спинку кресла из старинного резного дуба, увенчанную двумя сферами с символами Зодиака, опиралась дама удивительной красоты. С такого лица картины писать бы – истинное воплощение родины-матери вообще и материнства в частности. Дама была в летах, но сколько этих лет ею прожито, казалось совершенно неважным. Удивительным образом она сохранила обаяние молодости, чистоту кожи, ясность взгляда и спокойную мудрость женщины, пожившей и знающей в этой жизни немало. Назвать ее пожилой, а уж тем более старухой язык не повернулся бы: прямая спина и золотистый отлив аккуратной прически без единой искорки седины.

Ванзаров оказался не в состоянии составить мгновенный портрет, потому что и так было очевидно: госпожа Бородина исключительная женщина. Нестерпимо захотелось положить голову ей на колени, чтобы погладила и назвала Родиошу «хорошим мальчиком». Да и сам матерый бильярдист будто уменьшился ростом, став маленьким, послушным мальчиком. Хотя ничего такого на самом деле не происходило: Нил всего лишь покорно ждал за спинкой стула-коляски. Сооружение тоже нерядовое: вместо привычного инвалидного кресла к старинному стулу приделали четыре колеса-валика и площадку для ног, в результате чего мебель отдаленно смахивала на детскую игрушку – коня на колесиках.

Отогнав наваждение, чиновник полиции выслушал, как его представил Бородин, и еще раз поклонился. Дама ответила такой теплой и нечеловечески доброй улыбкой, что Родиону потребовалась вся сила воли, чтобы не растечься сиропом.

– Очень приятно, Филомена Платоновна, – сказала она голосом, пропитанным материнским теплом, как губка мылом. Редко, когда имя³ настолько точно отражало внешний образ персоны. За сладостным туманом нельзя было не заметить ее глаза цвета морской волны.

– Кажется, Родиону Георгиевичу хочется узнать, сколько мне лет.

Чиновник полиции стал отнекиваться, но его просили не церемониться.

– Не больше пятидесяти... – выдавил он.

Его наградили самой материнской из всех улыбок этого мира:

– Как нехорошо обманывать... Но все равно спасибо за комплимент: мне шестьдесят три, молодой человек.

И ему протянули руку для поцелуя!

Касаясь губами тонкой, почти девичьей кожи, Ванзаров ощутил волнуемый аромат духов, какие женщина использует для соблазнения. Шальные мысли, залетевшие ему в голову, мы оставим без комментариев.

Вполне овладев собой, Ванзаров сумел вернуться к делу.

– Я вряд ли могу быть полезна, – печально сообщила Филомена Платоновна.

– Маменька не может передвигаться без посторонней помощи, – вставил Бородин.

– Нилушка, зачем эти подробности... Он славный мальчик, не правда ли? Я воспитала его добрым, чутким, отзывчивым. Его любят и ценят в обществе. И сам он всегда готов помочь любому. Недаром кормила его грудью до пяти лет...

– Маменька!

Взрослый мужчина зарделся, как шаловливый мальчуган. Родион хорошо понял состояние мужчины в два раза старше его: и с ним проделывали подобный фокус родительской любви и нежности, от которой хотелось провалиться или повеситься тут же при гостях.

– В этом нет ничего постыдного. Ребенок, выросший на материнском молоке, здоровее и добрее прочих. Он так долго не мог оторваться от моей груди.

– Ну маменька!!!

³ Полная любви (греч.).

– Так, что происходило нынче утром? – Чиновник полиции принялся спасать остатки мужского достоинства бильярдиста.

– Эту ночь, как и все прочие, я спала плохо, почти совсем не сомкнула глаз. От духоты не спасали и открытые окна. Забылась тяжелым, мучительным сном только под утро. Внезапно меня разбудил чей-то пронзительный крик. Я позвала, но ко мне никто не явился. Крики продолжались, слышался голос Аглаи и рыдания Антонины, но я не знала, что случилось, и самые черные мысли уже овладели мной. Я вся извелась, пока не появился Нилушка и не объяснил происшествие.

Ванзарову показалось, что ему зачитали вслух какой-то сентиментальный роман. Или так бывает со старыми людьми?

– Насколько понимаю, окна вашей спальни выходят на правую сторону дома, где эркер, – спросил он. – Кто-нибудь проходил утром?

– Ах нет. Я никого не замечала.

– Что может означать появление у вас на заднем дворе гл... – Родион осекся под страшным взглядом заботливого сына, – все это происшествие?

– Ума не приложу, – неожиданно резко сказала госпожа Бородина. – Думаю, чья-то очень жестокая и глупая шутка.

– И все же предложили обратиться в полицию...

– Нет, Нилушка настоял. Я отговаривала, но мой мальчик не послушался.

– Прошу прощения, Филомена Платоновна, что вынужден спросить, но это мой долг. У вашей семьи есть в прошлом некие тайны, о которых кто-то захотел напомнить подобным образом?

– Нет. Никаких тайн нет и быть не может, – ответила дама строго. – Мы простая и открытая семья. Помогаем, чем можем, бедным и не задираем нос. В нас нет дворянской спеси. Деньги моего мужа не сделали нас хуже или злее. Надеюсь, господин сыщик, вы мне верите?

– Я чиновник полиции, мадам.

– Тем лучше. Желая вам скорее разыскать шутника и примерно наказать его... Нил, отвези меня.

Деревянное сооружение удалилось под благородный скрип. Вернувшись из спальни, Бородин тяжело вздохнул, словно делился с таким же любимым сыном одним им понятной бедой.

– У маменьки отказали ноги, – оправдываясь, сказал он. – Что только не делали: и докторам показывали, и на воды в Будапешт возили, – ничего не помогает.

– Давно это случилось?

– Уже года три... Желаете допросить Тоньку?

– Я зашел бы к Аглае.

Бородин послушно направился к двери комнаты, соседней с материнской спальней, вежливо стукнул и крикнул в створку:

– Нянюшка, к тебе можно?

Ему никто не ответил.

– Тут полицейский чиновник, господин Ванзаров, хочет кое о чем расспросить. Впусти нас...

В двери расплзлась узкая щелка, из которой стремительно выскочило нечто в черном и тут же захлопнуло за собой дверь.

– Нечего там делать, – сказал хриплый старческий голос.

Нил Нилыч отошел в сторону. На Ванзарова уставились черные слезящиеся глаза, как будто выпиравшие из лица, перепаханного морщинами. Старые патлы выбивались из-под косынки, повязанной в спешке. Старушка, а вернее сказать бабка, если пожалеть слов «баба-яга» или «ведьма», казалась озлобленным хорьком, у которого от бессильной ярости шерсть

встала дыбом. Хотя шерсти на сгорбленном загривке, конечно, не просматривалось. Мерзкое создание, на вид – глубоко за семьдесят, выглядело полным сил. Или, во всяком случае, способным вцепиться длинными когтями, то есть, конечно, ногтями, в лицо гостя. Такой нянькой только в страшной сказке пугать. Между тем Нил посматривал на нее с тихим обожанием. Да, ко всему привыкнуть можно...

– Так и будем в смотрелки играть? – прорычала Аглаюшка. – Что вам угодно? Зачем пришли?

Изобразив строгое достоинство, которому и дела нет до вздорных старушек, чиновник полиции официально спросил:

– Что можете сообщить об утреннем происшествии?

– Нечего сообщать.

– Но ведь вы...

– Тонька, дура, крик подняла, всех разбудила, а то бы... – Что бы случилось при другом развитии событий, Аглая не сказала. Зато строго уставилась на Бородина.

Нил Нилыч как-то сразу заторопился, указал, где комната кухарки, и героически смылся.

Ванзаров уже собрался продолжить приятную беседу, как вдруг старушка резво подскочила и, шипя, процедила:

– Убирайтесь-ка отсюда, господин хороший. Нечего тут делать. Сами разберемся. И нос совать нечего. Тут дела семейные.

– Неужели?

– И шутить со мной не вздумай! Ишь, гусь выискался!

С вредной птицей Родиона сравнивали в первый раз, все больше с мишкой или с бычком. От досады за попранное достоинство не сдержался.

– Извольте взять должную манеру! – гаркнул он. – Я вам не мальчик, а чиновник полиции для особых поручений. Не какой-нибудь там сыщик, а лицо официальное. И требую отвечать, когда спрашиваю. А то быстро продолжим в участке.

Вся эта мальчишеская тирада не произвела на Аглаю ровно никакого впечатления. И морщинка не дрогнула, буравила водянистыми зенками непрошеного субъекта. Только ответила почти ласково:

– Миленький, пугать меня не надо, я уже ничего не боюсь. Подобрю тебе советую: не суйся, ничего, кроме грязи, тут нет, уж поверь мне. Сами разберемся.

– О каком семейном проклятии упоминали? – упрямо спросил Родион.

– Послушался бы меня Нилушка, не поскакал в полицию, так и затихло бы все. Само собою бы разошлось, как волны в пруду... Показалось ему, что-то болтала с испуга, даже сама не помню.

– Про какой рок вам известно?

– Не буди ты лиха, мил-человек... Нечего тут делать посторонним. Что можешь знать о жизни, мальчик, усы-то велики, да только на них молоко еще не обсохло. Куда суешься, птенчик, сначала хоть женского тела познай... Эх ты, герой... Того гляди накличешь беду, поверь моему слову, и уж тогда поздно будет. – И, оборвав разговор, Аглая скрылась под сухой хлопок двери.

А вот чиновник сыскной полиции, утершись, что называется, и подобрав осколки профессиональной гордости, а вместе с ней и мужской, направился в другую сторону – в вытекавший из большой гостиной узкий коридорчик. Там обнаружилась еще пара дверей. Из одной отчетливо тянуло дымом дешевых папирос. Около другой обозначилась лужа крыжовенного варенья. Стараясь не влипнуть, Ванзаров издал церемонный стук и сразу распахнул створку.

На узкой кровати, застланной цветастым одеялом, сидела барышня не старше тридцати, бесцельно уставившись в неведомую точку на стене. На гостя и бровью не повела. Родион

решил было, что ошибся и попал в комнату горничной, но фартук, разукрашенный вареньем, и проем, в котором виднелась кухня, подсказали.

Кухарка в этом доме, прямо сказать, была странной. Обычная столичная повариха – дородная баба из ближайших губерний, простая, розовошекая, с грубыми красными пальцами, с двумя, а то и тремя подбородками. Тонька же выглядела барышней из бедной, но приличной семьи, с правильными чертами лица, худыми пальцами и вполне стройной талией. Мгновенный портрет говорил, что девушка может быть образованной, умной, хотя и немного замкнутой. К образу прислуги прямое отношение имел только платок, стягивающий щеку, слегка припухшую.

– Зуб болит? – участливо спросил Ванзаров.

– Болит, – равнодушно ответила Тонька, не одарив взглядом. На этом общение закончилось. Сколько ни пытался Родион разговорить, как ни подъезжал с разных сторон, как ни подлизывался и ни пробовал слегка угрожать, девушка отвечала упорным молчанием. С наименьшим успехом можно было общаться с тазиком или банкой. Потеряв терпение, чиновник полиции оставил и это поле боя, с досады чуть не угодив в лужу варенья.

В соседней комнате ждало очередное открытие. Сложив ботинки на хлипкий столик, а сам привольно развалившись в плетеном кресле, пускал дым в потолок, за неимением окон, молодой человек щуплого телосложения, растрепанного вида и худощаво-романтической внешности. Угадать в нем лакея могла только буйная фантазия.

Вошедшего чиновника полиции окинули равнодушным, если не сказать брезгливым взглядом, зад от сиденья не оторвали, а каблуков со столика не сняли. Кажется, гость изнеженное существо не беспокоил. И даже узнав, что перед ним чиновник полиции, Орест Иванович, именно так звали прислугу, переложил папироску в левый уголок губ. И только.

подавив желание взять за шиворот и встряхнуть наглеца так, чтоб подавился папироской, Родион вежливо спросил, что может сообщить о происшествии. Оказалось, юноша был разбужен криками. Когда изволил выйти во двор, там уже находились Тонька, Аглая и Нил Нилыч. Так что для следствия совершенно бесполезен. Единственный обитатель дома, на которого явление глаза не произвело никакого впечатления. Одно из двух: или туповат до неприличия, или цинично равнодушен. Что, в общем, одно и то же.

– Почему в доме так грязно и не метено? Пыль кругом, крошки на полу в гостиной? – строго спросил Ванзаров.

На него уставились удивленные светло-карие глаза:

– Я что, горничная, что ли, за всеми убирать?

И гордый лакей выпустил облако дыма.

Вдохнув напоследок аромат дешевых папиросок, Родион вернулся в большую гостиную. Там уже поджидал Бородин. Судя по невинно-неприступному виду, дело с конем закончилось вполне успешно. Настолько, что фиакр виднелся на прежнем месте. Нил Нилыч блестяще улыбнулся:

– Ну как, уже нашли разгадку?

– Мне посоветовали не вмешиваться в ваши семейные дела.

– Ай, ну, конечно, няня! – Нил отмахнулся, словно от осы. – Вечно в каких-то страхах и сомнениях пребывает. Не слушайте ее. Я здесь хозяин.

Не рискуя сомневаться в этом вслух, Ванзаров сказал:

– Надо допросить еще одного свидетеля.

– Это кого же? – удивился Бородин. – В доме больше никого нет.

9

Чиновники полиции, имеющие счастье служить в 4-м участке Казанской части, были завалены делами сверх всякой меры. Так были заняты, что им в рот кусок не лез. Конечно, куда там лезть после трех чайников чая, выпитых с утра. А еще рты коллежского регистратора Матько и губернского секретаря Редера были заняты наиважнейшей проблемой, а именно – обсуждением домашних способов заготовления варенья. Матько, господин с большой плешью и маленькой мордочкой, настаивал, что сахара полагается сыпать одну часть к двум частям ягод. Его же сухощавый коллега бился до последнего за самый правильный рецепт: часть на часть.

Борцы за сладкое счастье так и провели бы присутственное время в приятном поединке, если бы колокольчик не звякнул и перед загородкой из дубовых перил, защищавшей посетителей от полиции, не возникла бы высокая тощая фигура в тирольской шляпке и добротном костюме в шотландскую клетку. Вид посетительницы внушал желание схватить ружье и отстреливаться до последнего или, на худой конец, заявив, что приемный день окончен, бежать подальше. Назвать барышню страшной язык не повернулся бы. Она была восхитительно страшна. Особенно редкая деталь на лице. Но об этом после.

Не высказав и доли почтительности, потребовала пристава, отчетливо коверкая слова акцентом. Матько и Редер были так поражены зрелищем чужестранки, что не нашли сил помучить посетительницу вопросами из разряда «по какому делу», а сразу дали знать подполковнику.

Желудь принял гостью, уже зная, что его ожидает. Но как только дама представилась официально, не поверил в такое несчастье. Оказалось, дама вовсе не частное лицо, а очень даже официальное. Направлена в Петербург по столь важному поручению, что имеет ходатайство из высших сфер. Желудь немедленно потребовал бумагу. Прочитав гербовое послание, Савелий Игнатьевич понял: доброжелательные коллеги опять состряпали гадость.

А дело было вот в чем. Как известно, министерства разных стран обожают дружить. Для чего направляют лучших специалистов для обмена опытом. Что и случилось. Получив шар из канцелярии Министерства внутренних дел, чиновники Врачебно-санитарного комитета ударили им в Департамент полиции. Департамент полиции загнал шар в городскую управу, городская управа дала штос одному из полицеймейстеров, а тот метким ударом отправил шар в 4-й участок Казанской части. Приставу деваться было некуда, свободных лунок не осталось. Но оставалась последняя надежда.

– Официальное прошение имеется? – вежливо спросил он.

Барышня выложила бумагу.

– Позвольте ходатайство Министерства иностранных дел...

И это ему предоставили.

– Мне, право, неловко, но нельзя без ходатайства Министерства внутренних дел...

И оно, к несчастью, имелось.

– Хотелось бы взглянуть на рекомендательное письмо от вашего начальства...

Что за напасть! И это имелось. Сразу видно: мерзавка уже походила по кругам российского бюрократического ада.

– Великолепно... – совсем пал духом Желудь. – А паспорт с отметкой о пересечении границы и регистрации в паспортном столе Петербурга?

Из сумочки явился последний убийственный аргумент. Пристав сдался. Развернув гостеприимство по полной, сообщил, что сердечно рад такому визиту и всей душой хотел бы помочь, да вот беда: чиновников совсем нет, столько дел, столько дел. Впрочем...

Тут Желудю пришла светлая мысль, что следовало отметить в календаре как редкий праздник. А ведь имеется в его команде некий чиновник, как раз удобнее не придумаешь. И дерзок, и своенравен, и прыток, и выскочка, и правил неписанных не признает, и что хуже всего – умен, собака, и везуч: умеет ловить настоящих убийц. Того и глядишь, обскачет Самого. Вот кому можно доставить удовольствие.

Савелий Игнатьевич приободрился и метким ударом от двух бортов загнал шар в последнюю лузу.

10

Нил Нилыч терпеливо выжидал. Но чиновник полиции обладал прямо-таки железным терпением. А еще взглядом этаким многозначительным.

– Уж не меня ли имеете в виду?

Родион благодарно хмыкнул.

– Ну, знаете!.. Позвольте, может быть, еще и подозреваете?

– Для этого нет веских причин, ни одного факта или мотива. Но логика такого не исключает.

– Ну, спасибо... – Красавец-бильярдист надул губки. – Вот, значит, как...

– Не обижайтесь, Нил Нилыч, – сказал Ванзаров, присаживаясь на уголок бильярдного стола и тут же подсакивая, осознав, какое святотатство совершил. – Я же не сказал, что глаз вырвали вы и себе же подбросили.

– Спасибо и на том.

– Давайте зададим простые вопросы и найдем простые ответы.

Бородин был не против, наконец сообразив, что невежливо держать гостя на ногах.

– Начнем с того, что допустим: появление глаза не шутка, не случайность и не розыгрыш, – сказал Родион, утопая внутри мягкого кресла.

– Допустим это, – согласился утонувший напротив Нил.

– Тогда надо признать: это знак, вернее, предупреждение. Возражения?

– Их нет. Срезали как надо.

– Тогда неизбежный вопрос: от чего предостерегают?

– Верите: понятия не имею.

– Верить не буду. Попробуем найти аналогию. Например, в тюрьмах оторванный глаз собаки или кошки коллеги присылают болтливым арестантам, как бы предупреждая: мы все знаем, тебя ждет месть. В тюрьмах бывали?

– Бог миловал, – нервно усмехнулся Бородин.

– Ну, не зарекайтесь... Если у вас нет знакомств или дел с уголовным миром, остается ваша обыденная жизнь. И тут мне в голову приходит одна цитата...

– Я сам об этом подумал, – опередил Нил. – «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его...»⁴ В лузе?

– Кроме бильярда какие соблазны или грехи можете предложить? Быть откровенным в ваших же интересах. Иначе вряд ли смогу вам помочь. Так что не стесняйтесь. Как на исповеди или врачебном приеме.

Невзначай глянув на двери, которые Родиону были недоступны, Нил Нилыч переместил тело в положение более приемлемое для интимного разговора.

– Только между нами...

– Можете не сомневаться.

– Женский пол...

⁴ Евангелие от Марка 9:47.

– Что-что?

– Пожалуйста, потише... Характер у меня не знаю в кого пошел. Папенька, между прочим, был самых строгих на *это дело* взглядов. А я просто не могу ничего с собой поделывать. Все время тянет. Вот уже скоро полвека, а сил столько, что остановиться не могу. Надеюсь, вы человек широких взглядов на отношения полов?

– Конечно, широких, с косую сажень, не меньше, – спокойно ответил Родион. На самом деле было в этих взглядах не так уж и широко, прямо скажем – узковато, но признаваться в такой момент ни к чему.

– Тогда меня понимаете... Больше грехов нет.

– Остается вспомнить, кого из почтенных мужей осчастливили рогами.

Нил Нилыч совсем смутился, покряхтел и перешел на шепот:

– Вспоминать нечего... Предпочитаю только женщин, как бы сказать...

– Проституток? – подсказал Ванзаров.

– Вот именно. С ними честно и просто. Плачу и получаю что надо. И потом, не надо расплачиваться нервами. Дешевле выходит, чем с порядочными барышнями, поверьте мне. Да и пошалить всегда можно, заняться разными забавами. И бояться не надо чего-нибудь сболтнуть сгоряча. А то ведь некоторые тонкие натуры от слова «член» в обморок падают.

– Потому и не женились?

– Ну что вы! Одно к другому не имеет решительно никакого отношения... Желания мои были искренни, и матушке избранницы нравились, но в последний момент что-то такое происходило, что и объяснить нельзя... Прямо недуг Подколесина. Не могу, и все! Да и как подумаю, что надо оставить эту милую и славную жизнь с матушкой и нянечкой, что появится здесь еще женщина, да как они поладят, да как я привыкну... В общем, давал деру. Формального предложения не делал. Чистый туш.

– Сделали очередную попытку?

– В этот раз все будет по-другому, – убежденно сказал Нил. – Тут у меня чувства сильные, такие, что готов все свои страстишки урезонить. Так-то вот.

Предположить, что оскорбленные невесты или их родители дошли до того, что прислали страшное предупреждение? Всего романтизма чиновника полиции на это не хватило. Здравый смысл резко возразил. Не в горах же Кавказских или на дикой Сицилии живем, европейские люди почти... Пришлось повиноваться здравому смыслу:

– Забытые обиды? Неотданные долги? Черная зависть?

Бородин только фыркнул.

– Что думаете насчет семейного проклятия или рока? – спросил Родион.

– И думать нечего. Аглая и не такое в сердцах может сболтнуть. Ни в какой рок мы не верим. У нас в семье вообще к верованиям равнодушны, можно сказать, крепкие атеисты. Верить в ветхие средневековые глупости? Нет уж, рационалистический ум это отвергает. Свобода воли ради свободы удовольствия. Живи в свое удовольствие, давая жить другим, – вот мой принцип. Року тут места нет.

– Кстати, об Аглае. Характер у нее не сахар. Натерпелись в детстве?

– Под присягой скажу: добрее и сердечнее человека, чем моя Аглаюшка, просто нет, – как нарочно повысив голос, заявил Нил Нилыч. – С маменькой они с незапамятных времен вместе, ровесницы, меня вырастила, от своего женского счастья отказалась. Да за нас в огонь и в воду, жизнь отдаст не раздумывая. Это она такая строгая потому, что напугалась. А так – сама доброта. Нищим помогает, вот Марфушу приютила...

– Какую Марфушу? – Ванзаров сделал стойку.

– Нищенка убогая. Несколько лет назад Аглая привела ее в дом, накормила, вот и прижилась.

– А говорили, что никого в доме больше нет. Где она?

Бородин изобразил кислую мину:

– Оставьте несчастную в покое, уж она-то ничем не поможет. Марфуша – блаженная, давно умом тронулась, бормочет себе под нос, живет в своем мире, божий одуванчик.

Справившись с креслом, Родион решительно восстал:

– Она сейчас в доме?

– Если на кухне нет, значит, в бане. У нее там летний уголок, – не скрывал раздражения

Нил. – Будьте милосердны к убогой.

Такие тонкие душевные мелочи, конечно, не стали препятствием чиновнику полиции со стальным сердцем.

11

Над полем разлитого варенья кружился рой насекомых. Из черного облака, жужжавшего и трепавшего крыльями, пикировали хищные создания, чтобы урвать дармовой сладости. Многие из них, пав жертвой жадности, глубоко увязли лапками в застывающем сиропе и теперь ждали последнего часа, когда их настигнет сладкая смерть. На место павших прибывали все новые и новые захватчики, привлеченные упоительным запахом. Тазики с ягодой, пересыпанной сахаром, походили на города, отданные на разграбление мародерам.

Такая чудовищная картина могла родиться только в сознании отчаянного сладкоежки и любителя варенья. Кто другой сказал бы просто: «Муха села на варенье – вот и все стихотворенье». Но Родиону заботы сыска не помешали искренне сокрушаться над сценой величественной гибели зимних запасов.

Между тем Бородин оттолкнул деревянную створку и, согнувшись перед низким косяком, нырнул в глубины баньки. Откуда вышел задом, ведя под руки сторбленное, будто сложенное пополам человеческое существо. Переведя приживалку через порог, Нил Нилыч бросил на Ванзорова вызывающий взгляд, в котором так и сквозило: «Мучайте несчастную, если вам так угодно, не сходя с этого места».

Платьишко, явно с хозяйского плеча, сидело на Марфуше как мешок, голову покрывал широкий платок из черного ситца, какие бабы надевают в траур или на базар. Чтобы разглядеть ее, Ванзарову пришлось присесть на корточки. Будто скомканное морщинами личико сотрясала мелкая дрожь, глаза прикрывали тяжелые веки, шевелившиеся от нервного тика. Приживалка казалась такой дряхлой, что могла рассыпаться прахом, как древняя мумия.

– Матушка... – тихо позвал Родион.

Веки зашевелились, и сквозь щелку показался глаз, затуманенный безумием, но удивительно ясного зеленого цвета. Словно последнее, что осталось в ней человеческого, осколок былой красоты и молодости.

– Матушка, кого видели чужого?

Там, где должен быть рот, прорезалась черная трещинка, и тихий, но совсем не старческий голос сказал:

– Марфуша по лесу гуляла, Марфуша ягодки собирала, ветер подул – ягодки рассыпал, Марфуша их собрала и в дом принесла, кушайте, детки, сладенькое.

Стиснув зубы и приказав себе держаться, Родион разборчиво спросил:

– Кого Марфуша утром видела?

– Марфушенька по лесу гуляла...

– Бесплезно, другого не дождетесь, – сказал Бородин и ласково, как ребенку, предложил Марфуше воротиться домой. Старушка покорно следовала за его руками, бубня присказку про ягодки.

Возвратился Нил Нилыч откровенно раздраженным и, не церемонясь, бросил:

– Довольны, господин полицейский? Обязательно надо было мучить несчастную?

– Делаю свою работу как должен, – сквозь зубы ответил Ванзаров.

Нам-то, конечно, запросто заглянуть в душу героя, не то что бильярдисту. Если бы Нил мог, то увидел бы, что «бессердечный» юноша чуть не разрыдался от нахлынувшей жалости: так внезапно похожей на его милую и родную мамушку показалась ему старушка. Надо знать, что Родион научился сносить вид трупов, но ударить ему под дых человеческим горем, какому не в силах помочь, было проще простого. Такая вот слабость – сострадать обездоленному – нашлась в стальном сердце полицейского чиновника.

Мужчины выпускали пар, принципиально отвернувшись друг от друга. Наконец, отогнав совершенно обнаглевшую муху, Ванзаров обратился к спине Бородин:

– А теперь, когда нас никто не может подслушать, расскажите, что так тщательно пытались не проболтать.

Нил Нилыч изволил обернуться, все еще хмурясь, но сам уверился, что друг-полковник подsunул дельного, хоть и юного ищейку.

– Как догадались?

– Не догадался. Только логика. Если такой прагматик и невинный во всех смыслах человек, не верящий в семейное проклятие и рок, бежит в полицию, завидев безобидный глаз, значит, было что-то еще.

Отпираться дальше не имело смысла. Оказывается, уже два раза Бородин получал странные послания. Письма находил на подоконнике – их кто-то подбрасывал. На конверте не было надписи. Внутри обнаруживался обычный листок писчей бумаги. Вместо рукописного текста – слова из газет. Вырезанные и наклеенные. Подробно воспроизвести текст не мог, но смысл сводился к тому, что следует открыть глаза и прозреть, иначе древний рок настигнет и покарает. Посчитав все это глупостью или шуткой, сжигал. Но, увидев сегодня глаз, сначала задумался, а потом испугался.

– Когда пришло последнее? – уточнил Родион.

– Нашел вчера утром.

– А первое?

– Позавчера.

– Кто в доме читает газеты?

– Никто. Маменька их терпеть не может. Как, впрочем, и Аглая.

– Позвольте уточнить: угрожали именно древним роком или все-таки указывали на какие-то тайны вашей семьи?

– Древним, – совершенно признался Нил. – Но что хотите делайте, а понять не могу, какое имею к этому отношение. Безумие какое-то. Бред. Кошмар.

– И тем не менее есть кто-то, кто думает иначе.

– Блестящая догадка. Может, укажете на этого шутника?

– Теперь, Нил Нилыч, хорошенько подумайте и скажите: что случилось с вами перед тем, как стали появляться письма? Сгодится любая мелочь.

Заниматься такой глупостью, как копошиться в памяти, Бородин не собирался, ответил сразу:

– Ничего, – затем хмыкнул и добавил: – Ну, привел в дом Липу... Показал маменьке, они мило поболтали и остались довольны друг другом.

– То есть устроили что-то вроде смотрин невесты?

– Конечно, надо же было показать обеих...

По тому, что было написано на лице Ванзарова, по удивленно взлетевшим крыльям усов его Бородин смекнул, что выболтал нечто важное, если не преступное, и с жаром принялся оправдываться:

– Ну поймите же, в этот раз я твердо намерен жениться. Чтобы уж наверняка, завязался с двумя барышнями сразу... Дуплетом, так сказать. Нет, тут все честно: обе нравятся мне

безумно, прямо влюблен до глубины души, но выбрать одну не могу. Вот поэтому сначала показал маменьке Варвару, а уж потом Липу.

– Что сказала Филомена Платоновна?

– Ей обе понравились. Говорит: милые и славные барышни. Обе могут быть хорошими женами. Но выбирать предоставила мне! А как тут выбрать, когда люблю обеих? Такие красавицы, умницы и вообще... Одна голубоглазая, у другой глазки бирюзовые тоже... Липа только постарше.

– Барышни знают, что участвуют в конкурсе невест?

– Это зачем?.. Ни к чему это... И что тут такого?

Родион резко потерял всякий интерес к особняку и обитателям, попросив, нет, потребовав немедленно отвезти его в участок, а далее находиться в его распоряжении. В стальном сердце чиновника полиции блеснула надежда справиться с делом, а заодно и с древним роком молниеносно. И еще успеть на бабушкино варенье.

12

Если бы великому живописцу, да хоть Рембрандту, залетела в голову мысль написать полотно «Триумф дружбы чиновников», лучшего образца, чем 4-й участок Казанской части, найти было бы невозможно. Трепетно взращенная приставом любовь товарищеская между чиновниками участка была крепка, как серебряный рубль. Как же иначе защищать закон и порядок? Поодиночке это делать решительно невозможно. А поделись с коллегой да не забудь самого Желудя – дружба окрепнет.

Атмосфера дружбы обдала Ванзарова липкой волной, не успел он освободиться от вязанки книг и дорожного саквояжа, в котором по секрету хранилась баночка с глазом. Чиновник Матько умилительно сделал брови домиком и радостно крикнул:

– Родион Георгиевич, какая неожиданность! А мы вас ждали!

Чиновник Редер с неменьшим чувством добавил:

– Уж из отпуска? Какой молодец. Отдохнули и посвежели, прямо не узнать.

– Полны сил и желания трудиться, сразу видно...

– А какой цвет лица на природе нагуляли, прямо сдобный пирожок...

И далее в таком же духе. Не обращая внимания на дружелюбные укусы, коллежский секретарь положил вещи под рабочий стол, случайно зажатый в дальний угол присутственного отделения, возле окна, выходящего на вечно пыльный Мучной переулок, и молча направился к расписанию. Пока добирается он до потертой доски, на которой меловые крестики означали дежурства, объясним его холодность к сослуживцам.

Родион всегда был готов распахнуть сердце. Придя в участок, мечтал встретить умных и честных товарищей, которые помогут и подскажут многое по службе. И встретил. Ему предложили широкие авансы. Только вот цена дружбы оказалась слишком высока. Коллеги, к удивлению, поняли, что юнец не желает брать и делиться, как полагается товарищу-чиновнику, и вычеркнули его из членов. Ванзаров ответил тем же. Окончательная пропасть легла между ними после неожиданных успехов Ванзарова в раскрытии нескольких убийств.

Ну вот, пока выясняли интимные подробности, Родион узнал, что его надежда рухнула. Старший городовой Семенов, на которого мог положиться как на самого себя, находится в отгуле. Городовой Егоров – на дежурстве, а младший городовой Бородулин отбыл по поручению. В резерве участка находилось еще десятка два городовых, но никого из них Ванзаров не мог просить лично, то есть по-дружески. А требовать у пристава городовых непонятно для чего – бесполезно. Можно рассчитывать только на себя. Бородин, дожидавшийся в фиакре, в расчет не попадал.

– Только из отпуска и уже в делах! – сладчайше восхитился Матько.

– Недаром же вас господин пристав так дожидается, – добавил Редер. – Нетерпением исходит.

– Я в отпуске, ничем не занимаюсь, так заглянул, – заявил Ванзаров, двигаясь к двери. Но улизнуть не успел. Резво сменив тон с фамильярного на официальный, Редер доложил:

– Вас ожидает подполковник, извольте в его кабинет.

Савелий Игнатьевич подскочил пружинкой, когда в проеме двери обрисовался крупный силуэт мелкого подчиненного.

– Ну вот и наш герой! – закричал Савелий Игнатьевич, выскакивая из-за стола. – Он-то во всем и поможет. И не думайте отказываться, Родион Георгиевич, дело международной важности. Как раз вам по плечу! Так что располагайтесь у меня без стеснений и за дело, дорогой мой, за дело! На вас вся надежда...

Продолжая извергать комплименты, пристав стремительно юркнул в проем и захлопнул дверь так шустро, будто опасался, что Ванзаров сбежит. Понять Желудя можно: требовалась титаническая сила духа, чтобы два часа развлекать гостью.

Пойманный как глупый мышонок, Ванзаров растерянно взирал на даму. Была она неопишимо страшна. Вернее, принадлежала к особому типу барышень без уродств, но от одной мысли просто коснуться их пробирает озноб, словно мороженую рыбу потрогал. С лица, вытянутого сосулькой, взирал глаз без ресниц, неопишимо бесцветный, другой же закрывала перевязь с черной бляхой, отъявленно пиратского вида. Острые скулы словно прорывали кожу, а губы виднелись бледной ниточкой. При этом рост дамы принуждал смотреть на нее снизу вверх, а худощавость возбуждала желание немедленно вызвать даме врача.

Родион уже собрался с духом, чтобы исторгнуть вежливое «чем могу...», когда дама резким движением предъявила лист с гербами и печатями.

– Официальны прошени, – сказала она грубоватым, словно мужским, голосом.

– Но, позвольте...

– Ходатайство министер инострани дел... – появился еще один солидный лист.

– Но я не...

– Ходатайство министер внутрени дел...

– Зачем же...

– Рекомендаций берлински полицай управлений...

– Великолепно!

– Мои паспарт...

– Очень рад.

– Есчѐ документен?

– Вполне достаточно... Позвольте представиться...

Одноглазая протянула ладонь по-мужски и сказала:

– Мне объясниль, кто ви... Ирма фон Рейн. Берлински полиция...

Разрываясь между отвращением пожать руку даме или оказаться хамом, Ванзаров выбрал меньшее зло: коснулся кончиками пальцев холодной кожи, отдернул и быстро поклонился, при этом приветствовал на правильном немецком:

– Добро пожаловать в столичную полицию.

– В командировке практикую русски, – строго заметила дама, возвращаясь на казенный стул. – Пора изложить дело. Прошу садиться.

Родион послушно заскрипел мебелью.

– Наш полиция решил изучить петербургский опыт содержания публични дом.

– А я тут при чем? – искренне не понял чиновник сыска.

– Это согласовано. Прошу проверить мои знания...

И на голову Ванзарова обрушился шквал информации. Ирма фон Рейн заявила, что публичные дома в столице Российской империи были открыты в 1843 году, для надзирания

за оними был создан Врачебно-санитарный комитет. В настоящее время в городе имеется около пятидесяти домов терпимости, общее число проституток составляет около пяти тысяч, что в два раза больше, чем в Париже, и в пять раз больше, чем в любой европейской столице. Далее она рассказала, что существует три типа проституток. Билетные – которым выдается желтая книжечка Врачебно-санитарного комитета. Эти дамы в основном трудятся в домах терпимости. Затем бланковые – также имеют документ о своих занятиях, но предпочитают самостоятельно работать на улицах, вокзалах и в гостиницах, состоят на учете и проходят врачебный досмотр раз в две недели, как и билетные. Последний тип: кабинетные – не стоят на учете, принимают клиентов на своих квартирах и не афишируют свое занятие. Со всей прямотой берлинской полиции Ирма сообщила, что девочки в Петербурге начинают заниматься проституцией с 14–15 лет, попадая в дома терпимости напрямую из попечительских детских учреждений и приютов. И бывает, что раньше. К 16–17 годам они уже опытные проститутки. Большинство из них занимается промыслом до 25–30 лет. Скопив небольшой капитал, уходят на покой. В проститутки идут чаще всего крестьянки, портнихи, горничные и вообще любые барышни, не любящие труд. А также приезжающие из всех городов на заработки. По национальному составу больше всего русских, затем идут еврейки и польки. Половина проституток, несмотря на все досмотры, больна сифилисом. Зато вторая половина вполне здорова. Также фрейлейн фон Рейн заявила, что является горячей сторонницей теории Ломброзо и профессора Тарновского о врожденной порочности, которая и приводит женщину в проститутки. А также случайной порочности, которая приводит туда же.

Ирма победно следила за российским коллегой единственным глазом, словно ожидая получить высший балл за экзамен.

Спокойствие Ванзарову далось с трудом. О разврате вообще и проститутках в частности познания его были слишком... древними. Так, например, знал он, что в Греции публичные дома назывались диктеридами, а в Риме – лупанариями, что великий Перикл слушал лекции гетеры Аспазии по риторике, что гетера Никарета отличалась страстью к математике, а ее подруга Филена написала трактат по физике. Знаменитая Фрина готова была отстроить Фивы, разрушенные Александром Великим, за свой счет. У Геродота читал он, что фараон Хеопс оплатил строительство великой пирамиды на деньги, которые заработала его дочь, торгуя своим телом. Но вот петербургские публичные заведения не были коньком чиновника полиции. Что уж тут скрывать...

– Будете мои Вергилий по аду порока и разврата, герр Ванзароф, – скорее приказала фрейлейн Ирма.

Тут бы пригодился совсем другой Вергилий, что сейчас прохлаждается в отпуске: лучше Лебедева с этим никто не справится.

– Ну почему я? – в отчаянии спросил несчастный герр.

– Господин пристав рекомендовал: лучше никто нет для особи поручени. Помогите, коллега.

Оценив, какую восхитительную гадость подложил ему Желудь, Родион решил бить тем же оружием.

– Завтра, – сказал он, поспешно вставая. – Чем смогу...

На рыбьем лице дамы-сыщика появилось что-то вроде мучительной улыбки.

– Начнем с утра...

– Да-да, именно с утра пораньше, – подтвердил Родион, исчезая.

Он коварно надеялся, что завтра в это время будет уже прохлаждаться под кустом в бабушкином имении. Если сейчас поторопится.

13

Нил Нилыч всем видом старательно не показывал, как измучен и утомлен затянувшимся ожиданием. Правя мчавшимся фиакром с опасной небрежностью, демонстративно молчал, не одарив и взглядом. Что пассажира исключительно устраивало. Ванзаров выбирал, кому нанести первый визит. Логика в этом случае подсказывала равные шансы, и потому выбран был случай.

Фиакр шумно затормозил у парадных ворот меблированных комнат Макарьева, что на Вознесенском проспекте, – места дорогого и пристойного во всех отношениях. Здесь останавливались солидные купцы, прибывающие в столицу по длительным делам или чтобы провести время вдали от семьи. Любили этот пансион и московские гости, а также офицеры чином не ниже майора.

Бородин уже занес ногу для красивого соскока, как вдруг чиновник полиции, и так много себе позволивший, приказал остаться на месте. И хуже того: подобрав вожжи, отправляться домой, чтобы ждать вестей. Звезда бильярда вскипела и фыркнула так натурально, что Буцефал с любопытством поворотил морду. Бросив в лицо нахалу: «Как вам угодно», Нил Нилыч выдал старт с места в карьер, какому позавидовал бы столичный ипподром.

Отряхнув налетевшее облако пыли и настроив положительно-солидный вид, Ванзаров направился к портье. Без лишних запырательств и предъявления полицейской книжечки стало известно, что дама находится у себя в «номере», но, когда пришла и провела ли сегодняшнюю ночь у себя, сведений нет.

На краткий стук в хорошо отлакированную дверь ответил приятный голос, довольно радостный:

– Да входи же, открыто!

За изгибом бархатного драпри обнаружилась богато обставленная гостиная, посреди которой, взмахнув пышными рукавами в лучах света, словно взбалмошный лебедь, застыла барышня в кружевном халате. Под халатом просвечивал пеньюар. Появление полноватого юнца оказалось сюрпризом. Радостные объятия, распахнутые желанному гостю, превратились в неуклюжий жест сдачи в плен. Ванзаров не очень обрадовался такой картине. Куда больше ему глянулся бы остывший труп, засунутый в шкаф или под диван, или, на худой конец, израненная жертва, стонавшая от потери глаза. Дама, однако же, на жертву нимало не походила, имела вполне цветущий вид и смотрела, хоть и испуганно, в оба глаза, натурально голубых.

Подержим героев в застывшем состоянии, им от этого хуже не будет. Надо сказать, что вид женской красоты еще недавно лишал твердости стальное сердце чиновника полиции. Родион таял, как воск, и поддавался чарам. Излечило печальное происшествие, в котором стальное сердце прошло закалку и обросло двойной броней. Видя теперь какое-нибудь прелестное создание, юный Ванзаров нарочно делался равнодушным. Так что аж мороз по коже пробирал. Но вот сейчас, составляя мгновенный портрет барышни, не мог отделаться от странного чувства, что в совершенно незнакомой даме проглядывают какие-то знакомые черты. И потому стальное сердце предательски дрогнуло. Вот так вот неожиданно... Ну да ладно, всякое бывает.

Отгнав призраков, Родион занялся деталями. Барышня была далеко не юна, скорее к тридцати годам. Легкомысленна, но хитровата, взбалмошна, даже истерична, способна на необдуманный поступок, при этом несколько простодушна, характер скорее нетвердый, без сильного волевого начала, быть может, образованна, но поверхностно, никогда не знала тяжелой работы, эффект, производимый ее женскими достоинствами, воспринимает как должное. Что и говорить: впечатление было совсем не таким, на какое рассчитывал чиновник полиции. Было и еще одно предположение, но с ним Родион не спешил.

Барышня наконец справилась с руками и спросила:

– Вы кто?

Ни тени страха или высокомерия, скорее веселое любопытство.

– Госпожа Незнамова Олимпиада Ивановна? – Ванзаров изобразил почтение.

– Откуда вы меня знаете?.. Как мило!.. Мы разве встречались?.. У вас усы такие милые... Вам идут... Что стоите – садитесь!.. Нынче правда жарко?.. Такие ароматы из окна... Вы любите цветы?.. Я их обожаю... Хотите чаю? Я прикажу половому... Знаете, что такое карамболь?.. Я играю порой... Люблю прогуляться по Невскому... Кто-то стучит, я думала, Нилушка... А вы такой приятный!.. Где служите?.. У вас есть дама сердца?.. Ха-ха...

Болтая без умолку, Липа схватила Родиона за плечо, усадила на стул, тут же подняла, толкнула в кресло, заставила встать рывком, что-то прикинула и вернула на стул, сама же встала напротив, сложив кисти рук по-балетному. И все это не закрывая рта.

– Позвольте, – успел вставить Родион, у которого от трескотни зарябило в глазах. Но ему не позволили.

– Были на моем представлении? – вскрикнула Липа. – Ах, не были!.. Как нехорошо, по глазам вижу... Не любите театр?.. Театр – это все... Я имею громадный успех... «Аквариум» мне рукоплескал... Нельзя хмуриться, надо развлекаться!.. Играете на бильярде?.. У меня хороший удар... Хотите, покажу свой номер?.. Только, чур, бурные аплодисменты... Ха-ха!.. У меня ангажемент до конца октября... И потом хотят продлить, прямо в ногах валяются... Не знаю, что и делать... Что скажете?.. Смотрите, как умею...

Замахав рукавами-крыльями, Липа метнулась к шкафу, вынула тонкий дамский кий, запрокинула голову так, что рот открылся, как кастрюля, и, наставив вертикально полированную палку, медленно проглотила ее чуть не до ручки. Ванзаров боялся шелохнуться. Однако фокус удался. Липа извлекла кий, который должен был тайно выйти со спины, чтобы поместиться в некрупном теле, подняла его победным знаменем и закричала:

– Опля!.. Аплодисменты!.. На сцене глотаю шпагу и пою при этом арию Кармен... Публика в восторге... А вы так сможете?.. Нужна большая тренировка... Что вы такой бледный, юноша, улыбнитесь!.. Ну где же аплодисменты?.. О, благодарю!.. Ах, я такая каботинка...⁵ Это так приятно... Просто маленькая репетиция... Представления сегодня нет, но надо держать себя в форме... Еще аплодисменты!

Родион вяло похлопал, но и это привело Липу в восторг. Покорного зрителя слегка мутило. Чтобы на такой кошмар покупать билеты? Нет уж, спасибо. И от бесплатного зрелища чуть не вывернуло, вообще забыл, зачем пришел. Пора заканчивать представление.

– Олимпиада Ивановна, прошу вас, дело слишком серьезное.

Моторчик будто выключили, Липа рухнула на стул и в ужасе схватилась за растрепанную прическу:

– Боже мой!.. Я не одета!.. И тут вы... Даже не знаю, как вас зовут... Позор, катастрофа...

– Чиновник сысской полиции Ванзаров, – чуть не крикнул Родион. И это подействовало. Липа затихла. Только в голубых глазках мелькнул страх. Ну, или как там пробиваются неконтролируемые эмоции у женщин.

– Дело касается вашего... знакомого господина Бородина...

– Что с Нилом?!! Его убили... О, какое горе!!!

– Да успокойтесь наконец! – опять повысил голос Ванзаров, иначе не помогало. – Нил Нилыч жив и здоров, сам привез меня к вам. Но...

Липа упала перед ним на колени и бросилась целовать ему руки.

– О, спасибо!.. Спаситель!.. Благодарю вас!.. Благородный рыцарь...

⁵ Дама, стремящаяся к артистической славе.

Не так шкодливый кот прыгает на шкаф, как сиганул чиновник полиции прочь. Он-то думал, что нет на свете вещей, которые смогут его шокировать. Ну-ну... Самонадеянность была наказана. Нервно отирая пальцы от поцелуев, Родион побагровел и рывкнул во всю глотку:

– Прекратить немедленно!

Липа как ни в чем не бывало села на место, сложив ручки как покорная ученица. Приближаться Родин не стал на всякий случай.

– Прошу отвечать на вопросы кратко и по существу.

Барышня кивнула молча, что было уже чудом.

– Почему решили, что Бородина убили?

– Зачем же еще полиция?.. Я так за него волнуюсь...

– Что вы делали прошлым вечером и всю ночь?

– Что делала?.. Ах, не помню... Ну, конечно, у меня было выступление. Нил отвез нас поужинать. Потом сюда. Не остался, хоть я умоляла. Легла спать. Только встала, а тут вы...

– Бородин рассказывал о проклятье или роке, который якобы преследует его семью?

– О, это ужасно!.. Какое горе!.. Бедный, славный Нилушка...

– Отвечайте же!

– Нет, никогда... А что за проклятье? – с чисто женским любопытством спросила Липа, мигом забыв страхи.

Родион медленно выдохнул и продолжил:

– Нил Нилыч представил вас своей матушке?

– О, это было чудесно! Очаровательная, восхитительная, фантастическая женщина! Мы так поняли друг друга. Она умеет по достоинству оценить редкие дарования, как мое. Я ей, очевидно, приглянулась...

– Вам сделано официальное предложение?

– Фу, какой бестактный вопрос. Разве можно даму об этом спрашивать? Я так этого жду... Кажется, Нил уже совсем готов. Он намекал мне... И колечко присмотрел. Мечтаю стать его женой! Я стану для него всем. Мы созданы друг для друга!

– Значит, нет, – подытожил Ванзаров. – Знаете, что у него есть запасная невеста?

– О, эта дрянь! – Кулачки Липы тут же сжались. – Ненавижу мерзавку! Подлая змея! Втерлась и мутит воду. Ну ничего! Я с ней разделаюсь! Вот этими руками! Она свое получит! Прибью гадину! Если бы знать, кто она!

Быть может, Нил Нилыч знал особое хитрое средство, как примирить двух соперниц и выбрать себе супругу без женской драки. Пока же торжествовала совершенно примитивная ревность. Способна такая вырвать сопернице глаз и разыграть весь этот балаган? Логика помалкивала.

– Как ваши родители отнесутся к браку с мужчиной значительно старше вас?

Послышался печальный вздох:

– Я сирота... У меня никого нет. Только тетушка. Она милая, но живет далеко, в Пскове. Приезжает раз в полгода. Я предоставлена самой себе. Это так тяжело. Только бильярд меня утешает. Сегодня играю важный матч. Приходите в «Отель де Франс».

Силы чиновника полиции таяли на глазах.

– Олимпиада Ивановна, могу просить об одолжении? – устало сказал Родион.

– Сколько угодно! Располагайте мной! Что угодно! Все отдам...

– Если узнаете что-то, что может казаться опасным для господина Бородин, или замечайте какую-нибудь странность, дайте мне знать в участок.

Глотательница шпаг с жаром обещала. Или, вернее, поклялась всем святым, что есть у нее в душе, и так далее...

– Где одеваетесь? У вас модный туалет, – спросил Родион, чтобы скрасить финал допроса.

Липа расцвела:

– Благодарю вас! Мило, не правда ли? Несколько интимно, но... В салоне мадам Живанши... Где еще одеваться в Петербурге?!

– Живанши? Что-то не припомню...

– «Смерть мужьям», слышали?.. Самое модное ателье столицы...

– Понятия не имею, – с непроницаемым лицом ответил коварный юноша.

Уже зайдя под покров драпри, он обернулся и спросил:

– Нил Нилыч дорожит мнением не только своей матушки, но и Аглаи. Вам не показалось?

– Аглаи? – удивленно переспросила Липа. – Что ж, быть может...

Покидая гостеприимный дом, Ванзаров размышлял про парочку обстоятельств одновременно. Во-первых, как это взбалмошное, неуравновешенное существо могло понравиться степенной Филомене Платоновне? Наверное, госпожа Бородина необыкновенная мать, ставящая сына выше своих принципов. Нет, за день с таким делом не справиться. А варенье-то ждать не будет...

14

Хватило полсотни шагов, чтобы попасть в другой мир. Меблированные комнаты Худякова располагались хоть и по-соседству, на Вознесенском проспекте, но чрезвычайно далеко от размеренной и чистой жизни апартаментов госпожи Незнамовой. Ступив в подъезд трехэтажного дома с облезлой штукатуркой, Родион выдержал первую волну вони, в которой сгнившие щи сплетались с промокшими портянками. Заведение предназначалось для публики, требующей не более чем крыши над головой да кипятка в номер. Прочие удобства, такие как плесень, тараканы и дырявое белье, предоставлялись бесплатно.

Канторка портье, украшенная чернильными кляксами и объедком пирога, торчала в сиротливом одиночестве, зевающий половой махнул грязным рукавом, указывая, куда следовать. На последний этаж вела дырявая лестница, державшаяся на одной только совести. Жильцов хватало: в темный коридор выходило шесть дверей, из-за которых слышались мелодии семейного скандала и брэнчание расстроенной гитары.

Безо всякой вежливости кулак полицейского загрохотал в драную филенку. Ничто не выдало признаков жизни. Ванзаров прислушался и повторил. И этот сигнал остался без последствий. Ощувив радостный азарт, Родион саданул так, что гитара затихла. Но как только собрался за городовым и плотником, послышались шаги, и сонный голос раздраженно крикнул:

– Не принимаю. Уходите.

– Сыскная полиция, откройте.

Редкий замок не послушается такого обращения. И этот неуверенно крякнул. Ванзарову предстала невысокая дама в сером изящном платье без украшений. Нет, не дама – барышня. Молоденькая и свежая, как... Ну, честное слово, зачем сравнивать симпатичное личико с чем-то еще. Молоденькое, и этим все сказано.

Стальное сердце Ванзарова выдержало удар красоты достойно, но разум не мог не отметить: Нил Нилыч обладает отменным чутьем. Как нарочно, подобрал в качестве запасной невесты существо, очаровательно и неуловимо схожее со шпагоглотательницей. Но внешними чертами и бирюзовостью глаз сходство заканчивалось. Цвет волос разный. Одного взгляда хватило, чтоб оценить все достоинства.

– Вам-то зачем? Осмотры не требуются, я уж... – сказала и осеклась. Но этого было достаточно. Барышня поспешно решила, что чиновник полиции желает проверить ее желтый бланк, который позволяет заниматься поиском клиентов на улицах. Но ведь сыскная полиция – не Врачебно-санитарный комитет, проститутки не их профиль. Без сомнения, юное существо – бланкетка. Хоть и завязавшая.

- У меня дело касается господина Бородина, – понизив голос, сказал Ванзаров.
- Что с ним? – с неменьшим страхом, чем соперница, вскрикнула Варвара.
- В дверях неудобно...

Родиона немедленно впустили. Гостиная отличалась примерно так, как и оба гостевых дома. Особенно запахом. В жилище госпожи Нечаевой царил невероятный аромат, не хуже парфюмерной лавки. Словно ведрами духов тщательно вымыли жилище. И было чем. Флакончики всех форм и сортов замерли почетными шеренгами. Среди привычных пузырьков Брокера виднелись нескромные формы *Violettes de Parme* и *Lilas Blanc* от *Bourjois*, которые могла себе позволить далеко не каждая барышня столицы. В таком удушьи и запахе гниющей плоти не различить.

– Что с Нилом?

– Жив и здоров. Во всяком случае, пока... Варвара Ивановна, позвольте осмотреть ваше жилище?

Презрительный жест, дескать, делайте что хотите, предоставил полную свободу. Скорее для очистки совести, а уж совсем честно – чтобы присмотреться к барышне не торопясь, Ванзаров прошелся по комнатке, заглянул в шкаф под занавески, наведаясь в крохотную спальню и не поленился залезть под кровать. Обыск Варвара вытерпела не шелохнувшись.

– Теперь развеете таинственность?

Родион поинтересовался, на какие средства барышня существует.

– Пишу криминальные романы с продолжением для ежедневных газет.

– Да что вы?! Газеты проглядываю. Конечно, романчики не читаю, но что-то вашей фамилии не припомню.

– Пишу под псевдонимом, издатель категорически запрещает его разглашать.

– Позвольте, случайно, не Розовое Домино? Угадал?! Вот славно... Ваш «Макарка-душегуб» делает тираж «Петербургскому листку». Матушка моя до слез обожает эту ахи... то есть этот романчик... Что живете так скромно?

– Издатель жадничает, платит копейки, – печально призналась барышня. – Хлеб литератора криминальных романов горек. Далеко нам до гонораров графа Толстого. Говорят, низкая литература, недостойное чтиво. Зато народ любит нас. И этого достаточно... Это не лучший мой роман. Скоро выйдет история из жизни парижского света. У меня много фантазий...

– Раз у вас так развито воображение, быть может, поясните, что за рок навис над семьей Бородина?

Варвара заморгала хорошенькими глазками:

– Впервые слышу... Нил весел, полон жизни. Ни о каких подобных заботах не говорил. По-моему, это какая-то ошибка.

– А его матушка?

– Ну что вы! Филомена Платоновна – изумительная женщина. Мы поняли друг друга с полуслова. У нас так много общего, она тонкий ценитель изящных мелочей женского бытия. И самое главное – беззаветная любовь к Нилу. Простите, что говорю такие искренние вещи построннему человеку.

– Как видно, делите эту любовь на троих...

Барышня-литератор сжала губки и решительно сказала:

– Нил достаточно честен со мной, он не скрывал, что есть еще одна... Я не желаю ей зла, но Нила не отдам. Ради его счастья пойду на все. Он может быть счастлив только со мной.

– Сколько между вами разница? Не меньше тридцати лет, кажется...

– Это пустяки. Как женщина я значительно старше и, уж простите, мудрее его. Ему нужны моя забота, моя сила и моя молодость.

– У вас есть приданое? – спросил Родион.

Варвара только улыбнулась:

– Нила это не смущает.

– И родители ваши согласны на такой неравный брак?

– У меня никого нет, кроме дальней родственницы. Сама распоряжаюсь своей судьбой. Не верю ни в рок, ни в прочие глупые страхи. Могу знать, что угрожает моему жениху?

Чиновник полиции придумал кристально честную историю о том, как через агентов дошли слухи, что известному бильярдисту угрожают какие-то темные личности, и потому следует провести дознание, пока гром не грянул. Кажется, барышня не поверила, но виду не подала.

– Кстати, чему посвятили вчерашний вечер? – спросил фантазер.

– Работала над рукописью.

– Никуда не выходили?

– Зачем? Нил был занят, а без него мне теперь скучно...

– Это его подарки? – Родион указал на парфюмерное богатство.

– Ароматы для меня – все. Женщина, не умеющая пользоваться духами, не имеет будущего.

– И не одевающаяся у мадам Живанши?

– Где еще бедная девушка может найти приличное платье?

– Понимаю: одеваться не в «Смерти мужьям» – смерти подобно.

– О вкусах не спорят. Как сказал Сенека, принимая яд из рук Нерона. – И она впервые улыбнулась. Мило и чувственно. Прямо мороз по коже.

А ведь надо признать: барышня не только в фантазиях разбирается, знает, чего хочет от жизни. И, кажется, может взять свое. Если случай подвернется.

Опять попросив связаться, если что вдруг будет замечено необычного и подозрительного, Ванзаров спросил:

– С госпожой Бородиной поладили, а как вас приняла Аглая? Она ведь большое влияние на Нил Нилыча имеет. Не правда ли?

– Возможно, – сдержанно ответила Варвара.

Покинув жилище красавицы, Родион поймал извозчика до участка. И пока колеса стучали по мостовой, в голове чиновника полиции бились вопросы: как же Филомена Платоновна любит сына, если рада таким разнообразным дамам? Может, правда о внуках мечтает? И почему это в квартире литераторши не нашлось ни следа чернил, перьевых ручек или хоть клочка исписанной бумаги?

15

Вязанка книг упрямо разваливалась в руках. Плутарх сыпался на Апулея, а на них наседал Петроний. Не иначе любопытные коллеги постарались. Повоевав с бечевкой, Родин кое-как скрепил непослушные тома и уже подхватил саквояж, чтобы вернуться из отпуска домой, как перед столом выросла физиономия коллежского секретаря Матько. Оказалось, господина Ванзарова спрашивает какой-то господин.

Готовый к подвоху или дружеской шутке, что одно и то же, Родион Георгиевич вышел в приемную и обнаружил невысокого мужчину, как видно, приезжего. Вид его внушал смешанные чувства. С одной стороны, было жаль чудака, заявившегося в столицу, судя по всему, из глухой провинции. Но с другой – так и хотелось брякнуть: «Куда ж ты сунулся, одуванчик?» Бедных или безумных родственников у Ванзаровых в провинции не имелось, и вообще незнакомец был искренне ему незнаком.

Господин лет пятидесяти застенчиво улыбнулся, снял комком кое-где светлую шляпу и представился Москвиным, доктором внутренних болезней из Москвы. И тут же протянул

бумажку, сложенную пополам, оказавшуюся рекомендательным письмом. На бланке Министерства иностранных дел горячо любимый Борис Георгиевич изволил сообщить:

«Дорогой братец! Ты знаешь, что я частенько относился с юмором к твоим играм в полицию...»

В этом месте Родион взял паузу, чтобы скрипнуть зубами, и продолжил чтение:

«...но сложились обстоятельства, которые требуют твоей помощи. Ты не поверишь, но именно так, и это прошу я – твой обожаемый брат...»

Тут Родион Георгиевич позволил себе саркастическую ухмылку, впрочем, незаметную.

«...Если ты сможешь милейшему Игнату Семеновичу, моему московскому приятелю и совершенно волшебному доктору, торжественно обещаю: никогда больше не говорить вслух, что думаю о сыскной полиции, и, более того, оказывать тебе, братец, помощь без всяких нравочений. А помощь моя непременно тебе понадобится, уж поверь. К тому же Москвин – один из самых славных чудаков, каких я видел, кристальная душа и полный растяпа. Очень прошу за него. Кстати, твои дружки-жулики обчистили его до копейки, не успел он сойти с поезда. Некрасиво, честное слово. И куда смотрит полиция? Нежно тебя жму. Твой любящий брат Б. Г. В.»

Отплевавшись в душе от братских объятий, Родион вымучил улыбку и пригласил гостя, как оказалось – из Первопрестольной, к себе в закуток. Какое дело старшему брату до того, что младший в отпуске? Подумаешь, проблема.

Игнат Семенович устроился на краешке стула и похлопал ресницами, как застенчивая девица. Раздражение как рукой смахнуло. Ванзаров невольно улыбнулся, предложил чаю и сам принес. Приняв горячий подстаканник, доктор стал глотать кипяток с жадностью давно не евшего человека. Но тут же спохватился и вспомнил о своей беде. Оказывается, его обожаемая дочь приехала в Петербург два месяца назад, чтобы пожить столичной жизнью. Письма посылала регулярно, сообщая, что все чудесно. Но вот уже три недели от нее ни слуху ни духу. Отец места себе не находит, все-таки ребенок один в большом городе, даже родственников нет.

Родион попросил письма, но оказалось, Москвин благополучно их забыл. Хотел положить – и забыл. Где остановилась дочь, тоже не знал, вернее, знал, она что-то писала, но начисто вылетело из головы. И только фото было при нем. Со снимка глянула натуральная кукла: круглое личико, вздернутый носик, локоны и пухлые губки с пышными щечками. Конфетка, одним словом. И как у папаши ума хватило такое дитя отпустить? Видно, крутит отцом как хочет.

– Какого цвета у нее глаза? – вдруг спросил Ванзаров.

– Волшебные, как цвет огня, из которого родилась богиня Афина. – Доктор расплылся в сладких грезах. – Мы и назвали ее в честь глаз Афиной...

Что-то много голубоглазых красоток стало попадаться чиновнику полиции. Явно не к добру. А тут еще дух любопытства, надо сказать, жуткий нахал, начал теребить и требовать показать отцу баночку. Он же доктор, должен выдержать. Но Ванзаров приструнил разгулявшегося духа.

– Не волнуйтесь, никуда она не денется, все будет хорошо, найдем, – отчаянно соврал Родион. Не мог же сказать правду о том, что бывает с одинокими красивыми девушками в столице.

– Благодарю вас от всей души. – Допив чай до капельки, доктор встал. – Когда позволите заглянуть?

– А вы куда собрались? – строго спросил Ванзаров. – Вас же обокрали...

– Ничего, как-нибудь. Вот Афиночку увижу – и домой.

Проклятье стального сердца чиновника полиции – это жалость. Родион подхватил Москвина и отвел в ближайший трактир Жукова, где запихнул в голодного солидный обед. Там же за столом набросал краткое, но строгое письмо маменьке, усадил осоловевшего страдальца

на извозчика, заплатив вперед, и отправил в отчий дом, где его примут как родного. И варенья, наверное, к чаю дадут.

Как иначе мог поступить Ванзаров? Он ведь чиновник полиции – кому же, как не ему, помогать и защищать. Помогать бескорыстно – это ведь естественное свойство человека, разве нет? Помогать бедным и защищать слабых без раздумий и выгоды – не эта ли простая способность делает нас людьми, а вовсе не дура-эволюция, придуманная полоумным Дарвином? Так ведь?

Родион не чувствовал, что совершил нечто важное или хорошее. Он поступил естественно. Нет, все-таки одно чувство испытывал: ужасную тяжесть в желудке от переедания. Доктор отказывался есть без Ванзарова, пришлось и ему налегать.

Тяжко дыша и с трудом направляясь к участку, Ванзаров не сразу заметил фиакр. А заметил, когда чуть не налетел на Бородина.

Нил Нилыч сменил костюм и, как видно, настроение. Вид имел напуганный и растерянный. Сытая лень растаяла, как и не было. Сразу ясно: что-то случилось. Даже спрашивать не пришлось. Бородин протянул почтовый конверт.

Внутри оказался листок, на который приклеили типографские слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.